

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

Русский язык

В

Армении

2013

7 (84)

Ереван - 2013

Главный редактор – Б.М. Есаджян
Ответственный секретарь – А.М. Амирханян

Ответственный за номер – А.В. Акопян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель общества „Армения-Россия”,
д.ф.н., профессор, М.Д. Амирханян
Вице-президент АПСН С.К. Бондырева
Председатель Ассоциации
“Педагогическая инициатива” В.С. Казарян
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н,
профессор Р.К. Мирзаханян
Академик АПСН, зам.министра МОН РА
М.А. Мкртчян
Доктор философских наук,
профессор Я.И. Хачикян

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Акопян (ЕГУ)
Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х. Абовяна)
Г.Г. Барикян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова)
И.Б. Геворкян (ср. шк. N 131),
А.Б. Кузьминская (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
В.В. Мадоян (ЕУМО им. А. Ширакаци),
Г.В. Маркосян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова),
С.Б. Самуэлян (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
Р.В. Татевосян (АГПУ им.Х. Абовяна)
А.Я. Хачикян (РАУ).

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать

А.А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 2005: Ծավալը՝ 4 տպ. մամուլ:
Հանձնված է տպագրության՝ 13. 11. 2013 թ.
Գինը՝ 793 դրամ:

Издатель

ЗОО „Национальный институт образования” РА.

Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.

[www/http: aniedu.am](http://www.aniedu.am)

E-mail: info@aniedu.am

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Ответственный за издание журнала

Белла Есаджян

Формат 70X100 ¹/₁₆. Объем 64 стр. Тираж 2005

Сдано в печать 13. 11. 2013 г.

Цена 793 драм.

Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին պարտադիր է:

Դպրոցների մեկ օրինակ անվճար, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցական գրադարաններում:

Лицензия № 904

МЕТОДИКА

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.С. АЙРАПЕТЯН
АрГУ, НКР

Современные подходы к изучению иностранных языков и русского в частности основываются на необходимости формирования у учащихся способности и готовности осуществлять межличностное и межкультурное общение на изучаемом языке. Очевидно, что сегодня преподаватель русского языка не может ограничиться лишь изучением грамматических правил и заучиванием новых слов и выражений. Для того, чтобы наладить контакт с людьми, нужно знать и соблюдать речевой этикет и традиции общения, принятые в культуре страны изучаемого языка, а также уметь представлять на иностранном языке традиции, историю и культуру своего народа. Иными словами, речь идет о формировании социокультурной компетенции.

Отметим, что в последнее время термин “социокультурная компетенция” стал одним из самых употребительных в методической литературе (2), но в одних источниках социокультурная компетенция рассматривается как составная

часть коммуникативной компетенции (5), в других она выделяется в самостоятельную компетенцию, но и в том и другом случае отмечается ее роль для обучения общению с носителями изучаемого языка.

Мы намерены рассмотреть проблему формирования социокультурной компетенции в неязыковых вузах НКР посредством сопоставления армянской и русской культур, посредством обучения ведению диалога культур. Студенты должны уметь ценить и уважать свою культуру, обычаи, историю, традиции, родной язык и языки других стран и народов. Должны также суметь представить на грамотном русском языке сведения о культуре и традициях своего народа, края, где он живет.

Для достижения поставленной цели, по нашему мнению, необходимо использовать специальные задания, способствующие формированию социокультурной компетенции на уроках русского языка, такие как:

1. задания, основанные на сопоставлении языковых и культурных фактов родной и иноязычной культур, выявление в них общего и различного;

2. задания познавательно-исследовательского характера, направленные на выявление стереотипов поведения и традиций;

3. задания с использованием аутентичных материалов;

4. работа с текстами страноведческого характера, которая выполняет двойную функцию; расширяет активный и пассивный словарь студентов и развивает страноведческую компетенцию;

5. ролевые игры, проблемно-коммуникативные задания.

Обучение русскому языку как неродному с учетом социокультурного подхода раскрывается в единстве четырех компонентов: *воспитательного, развивающего, познавательного и учебного*. А.Н. Щукин выделяет следующие положения, составляющие суть данного подхода:

1. “Путь овладения языком является образовательным процессом, содержание которого – культура страны изучаемого языка. Таким образом, иноязычная культура – это все то, что является источником иноязычного культурного образования в его четырех аспектах: познавательном, развивающем, воспитательном и учебном.

2. В познавательном плане основой обучения в рамках названного подхода является диалог культур как сопоставление фактов

из области художественного творчества и образа жизни носителей языка.

3. В воспитательном плане при социокультурном подходе акцент делается на выявление общих нравственных ориентиров в жизни двух народов и существующих между ними различий.

4. Основная задача развивающего аспекта – формирование стойкой мотивации к изучению языка и иноязычной культуры в диалоге с родной.

5. Учебная цель обучения сводится к формированию коммуникативной и социокультурной компетенции с опорой на родной язык учащихся. Сопоставление двух языков должно способствовать снятию трудностей овладения иностранным языком и преодолению интерференции, особенно ощутимой на начальном этапе обучения при усвоении звукового строя языка” (7, с.103-104).

Исходя из указанных положений и следует выбирать, по нашему мнению, метод обучения, с помощью которого целесообразно формировать социокультурную компетенцию. Как известно, метод – это совокупность приемов, операций овладения определенной областью практического или теоретического знания, той или иной деятельности. Это путь познания, способ организации процесса познания.

Мы решили использовать интерактивные методы обучения и стратегии, предлагаемые програм-

мой “Развитие критического мышления через чтение и письмо”, которые завоевывают сегодня все большее признание (1,3,6). Термин интерактивный восходит к английскому *interact* и означает взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо. Другими словами, интерактивные методики обучения – это специальная форма организации познавательной и коммуникативной деятельности, в которой обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, имеют возможность понимать и размышлять над полученной информацией, развивать критическое мышление. Как отмечает А.Н. Щукин, критическое мышление – это сложный ментальный процесс, начинающийся с ознакомления с новой информацией и заканчивающийся принятием решения. В связи с этим, в рамках интерактивных методов разработаны основы обучения и учения, состоящие из стадии вызова, смысловой стадии и стадии рефлексии. На стадии вызова пробуждается интерес к новой теме, ученики с опорой на предыдущие знания, языковой опыт делают прогнозы относительно содержания новой информации. На стадии осмысления проводится работа с текстом, изучается новый материал, ученики интегрируют идеи, заложенные в тексте, со своими собственными идеями, для того, чтобы прийти к пониманию новой информации. На стадии рефлексии

студенты размышляют над полученной информацией, закрепляя, таким образом, новый материал (6, с.5-6).

Однако проведение интерактивных занятий требует специальной и тщательной подготовки. Преподавателю предстоит подготовить материал для коллективной работы, организовать группы, распределить задания и проинструктировать учащихся, а затем проконтролировать процесс выполнения заданий и оценить результаты работы студентов.

К интерактивным методам относится и метод проектов. В педагогике метод учебных проектов используют уже почти столетие. Основоположником считается американский философ-прагматик, психолог и педагог Джон Дьюи (1859-1952), хотя в своих работах он не использовал слова «проект». В книге «Школа и общество» он писал: «С точки зрения ребенка самый большой недостаток школы происходит от невозможности для него свободно, в полной степени использовать опыт, приобретенный вне школы, в самой школе. И, наоборот, с другой стороны он оказывается неспособным применить в повседневной жизни то, чему научился в школе»(4).

В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, умений ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и творческого

мышления. Когда мы говорим о *методе проектов*, то имеем в виду именно *способ* достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологии), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым *практическим результатом*, оформленным тем или иным образом. Этот результат можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности. Чтобы добиться такого результата, необходимо научить детей или взрослых студентов *самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, умения прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, умения устанавливать причинно-следственные связи*.

Проект может использоваться как одна из форм внеаудиторной работы, служить альтернативным способом организации учебного курса, интегрироваться в традиционную систему обучения языку.

Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся – индивидуальную, парную, групповую, которую учащиеся выполняют в течение определенного отрезка времени. Этот метод органично сочетается с групповыми (collaborative or cooperative learning) методами. Метод проектов всегда предполагает решение какой-то проблемы. Решение проблемы предусматривает, с одной сто-

роны, использование совокупности разнообразных методов, средств обучения, а с другой, предполагает необходимость интегрирования знаний, умений, применять знания из различных областей науки, техники, технологии, творческих областей. Результаты выполненных проектов должны быть, что называется, "осязаемыми", т.е. если это теоретическая проблема, то конкретное ее решение, если практическая – конкретный результат, готовый к использованию (на уроке, в школе, в реальной жизни).

Таким образом, эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути и включает ряд этапов:

1. выбор темы проекта;
2. определение проблемы и цели проекта;
3. обсуждение структуры проекта, составление примерного плана работы;
4. презентация необходимого языкового материала и предкоммуникативная тренировка;
5. сбор информации: обращение к уже имеющимся знаниям и жизненному опыту, работа с источниками информации, создание собственной системы хранения информации;
6. регулярные встречи, во время которых учащиеся обсуждают промежуточные результаты, преподаватель комментирует проделанную учащимися работу, кор-

ректирует ошибки в употреблении языковых единиц, проводит презентацию и отработку нового материала;

7. анализ собранной информации, координация действий разных групп;

8. подготовка презентации проекта – в форме выставки, видеофильма, радиопередачи, театрального представления, школьного праздника и т.д.;

9. демонстрация результатов проекта (кульминационная точка работы над проектом);

10. Оценка проекта. Данный этап включает в себя не только контроль усвоения языкового материала и развития речевой и коммуникативной компетенции, но и общую оценку проекта, его содержание, темы, конечного результата, участия отдельных учащихся в организации проекта, работы учителя и т.д.

Все эти этапы и были пройдены нами в работе над проектом, который способствовал достижению нашей цели – формированию социокультурной компетенции у студентов факультета “Сервис” Арцахского государственного университета.

Тема проекта – «Основные достопримечательности Нагорного Карабаха, Армении и России» – была выбрана с учетом будущей специальности студентов и напрямую связана с их профессиональной деятельностью. Выбор темы заранее обсуждался в аудитории и был осуществлен с

учетом интересов самих студентов.

В процессе работы мы преследовали следующие цели: коммуникативную, общеобразовательную и воспитательную.

Коммуникативная цель обучения состоит в формировании у студентов способности общаться на русском языке, используя языковые средства.

Общеобразовательная цель состоит в формировании у студентов страноведческих знаний (о Карабахе, Армении, России), развитие внимания, памяти, мышления, навыков и умений работать с учебным материалом, излагать свои мысли в письменной и устной формах и т.д.

Воспитательная цель заключается в формировании у студентов положительного отношения к России, ее истории и культуре, ее народу, при этом не задевая чувств национального достоинства студентов.

В ходе работы совместно со студентами был разработан план работы с учетом интересов самих студентов: студенты сами выбрали те или иные исторические памятники и сами же выбирали страну, которую хотели представить. План работы заключался в следующем:

а) создание трех виртуальных турагентств (поскольку студенты были разделены на 3 группы), выбор названий и рекламы;

б) составление туристических маршрутов по Карабаху и

Армении для туристов из России и туристического маршрута “Золотое Кольцо России”. Сбор сведений об исторических памятниках, представляющих культурную ценность, а также о местах, представляющих интерес для туристов;

в) представление разработанного на основе собранного материала туристического маршрута в роли руководителя агентства;

г) составление рекламных буклетов по выбранной теме;

д) составление рекламных слайд-шоу по представленным странам и туристическим маршрутам.

Для достижения поставленных целей на занятиях заранее отрабатывались тексты об исторических памятниках и достопримечательных местах Нагорного Карабаха, Армении и России. Студенты объясняли значения новых слов, подбирали к ним синонимы, антонимы, составляли предложения, отвечали на вопросы по тексту, выделяли нужную информацию, пересказывали тексты, использовали наглядные пособия, видеоролики. Студенты имели возможность проводить параллели, сравнивать; рассказывали о тех исторических местах, в которых им удалось побывать (Гандзасар, Нораванк, Гарни, Гегард, Амарас...), охотно делились своими впечатлениями.

Аналогичная работа проводилась и во время изучения текстов о России: “Белые ночи в Петербурге”, “Как разводят мосты в

Петербурге”, “Красная площадь”, “Эрмитаж” и другие. Работа вызвала большой интерес у студентов и они самостоятельно выискивали информацию по заданным темам из интернета, исторических, научных изданий, учебных пособий. Вся полученная и обработанная таким образом информация обсуждалась на занятиях.

Встречи со студентами происходили 2 раза в неделю, во время которых обсуждались результаты проделанной работы, давались советы, выбирались правильные ориентиры, корректировались ошибки, комментировался ход работы. И, таким образом, совместными усилиями был отобран и разработан нужный материал.

Презентация проекта проходила 14 октября 2012 г на факультете “Сервис” со студентами 1 курса АрГУ (на практическом занятии по русскому языку). На подготовку презентации было отведено 3 недели.

Занятие проводилось в “Центре друзей русского языка” АрГУ, оснащенном современной техникой, были использованы новые технологии. Сама обстановка в центре настраивала студентов на позитив. На презентацию были приглашены декан факультета, завкафедрой, преподаватели кафедры русского языка и литературы.

Как уже отмечалось, курс был разделен на три группы (по 5 человек) с учетом разных уровней

владения языком (сильные, средние, слабые) и каждая группа представляла свое турагентство.

Первое турагентство предложило российским туристам туристический маршрут по Нагорному Карабаху. Каждый из студентов рассказывал о том или ином памятнике (о монастыре Гандзасар, об Амарасе, Тигранакерте, историческом городе Шуши...) Студенты самостоятельно составили буклеты о Карабахе, ими же была придумана реклама для турагентства, название турагентства. Также были подготовлены слайды с музыкальным сопровождением.

Второе турагентство представило туристический маршрут по Армении. Студенты с большим интересом рассказывали о монастыре Хор-Вирап, Нораванк, о Гарни, Гегарде, Матенадаране...) Были представлены путеводители, карты Армении, реклама турагентства, слайды.

Третье турагентство предложило туристический маршрут "Золотое кольцо России". Студенты мысленно перенесли в другую страну, Россию. Они рассказали о российских монастырях, памятниках, городах (Кострома, Владимир, Суздаль, Ярославль...), показали "кольцо" на карте, составили буклеты, слайды, прозвучали русские народные мелодии. Также вспомнили и назвали столицы Армении, России.

Хочется отметить, что занятие носило непринужденный ха-

рактер, ибо задания выполнялись с большим интересом и тематика занятия переплеталась с их будущей специальностью. Проводились параллели между вышеуказанными странами. В результате происходил диалог культур, а студенты творчески овладевали знаниями в области русской культуры. Следует также заметить, что во время опроса студенты положительно отзывались о методе коллективной работы и предлагали продолжить нашу работу.

При выполнении подобных заданий (работа в группах) студенты ставятся в такие условия, при которых успех или неуспех одного из них отражается на результате всей группы. Оценка же за выполнение общего задания ставится одна на всю группу. Таким образом, каждый студент отвечает не только за результаты своей работы (что характерно для традиционного обучения), но и за результат всей группы.

Обучение в сотрудничестве позволяет значительно увеличить время речевой практики каждого студента на занятии. Преподаватель выступает лишь в роли организатора, а студенты самостоятельно добывают информацию, критически осмысливают и усваивают ее. Интерес был связан еще с тем, что резко изменились привычные отношения как между преподавателем и студентами, так и между самими студентами. Новые методы работы приходят на смену традиционной схеме, в

которой главное действующее лицо – преподаватель- объясняет, рассказывает, в то время как студенты лишь слушают, получая возможность высказаться только во время опроса; причем в последнем случае говорит один студент, а остальные обязаны молча слушать, не имея права помогать (3).

В процессе совместной работы в группах студенты приучаются к сотрудничеству, к взаимобучению и, помогая друг другу, оценивая друг друга, совместно выполняя задание, приобретают более прочные знания и умения. При этом радикально меняется учебная среда, студенты понимают, что они члены одной команды и должны обмениваться знаниями, вместе решать поставленные задачи.

Таким образом, в течение короткого времени, двух месяцев, был проделан большой объем работы, результаты которой были очевидны: расширение объема лингвострановедческих и страноведческих знаний студентов с учетом специфики выбранного профиля; усвоение исторических и культуроведческих знаний, необходимых им в дальнейшей профессиональной деятельности; углубление знаний о стране изучаемого языка, о взаимоотношениях с нашей страной; развитие навыков работы в коллективе и умений представления результатов своей работы на русском языке. Следовательно, наш опыт доказал эффективность применения метода проекта для формирования социокультурной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. М.: Рус.яз. Курсы, 2012
2. Баласанян Л.Г. "Проблема формирования социокультурной коммуникативной компетенции с использованием армяноведческих материалов на уроках русского языка в старших классах армянской школы", Русский язык в Армении, №6. 2011.
3. Егиазарян М.А. Организация коллективной работы на занятиях по русскому языку в вузе. Русский язык Вопросы теории, истории и методики преподавания, Е.: "Лингва", 2009.
4. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования/ Под ред. Е.С.Полат – М., 2000.
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Страсбург: 2003.
6. Соосаар Н., Замковая Н.. Интерактивные методы преподавания. Санкт-Петербург: 2004.
7. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика, М.: Филоматис: "Омега-Л", 2010.

ЛИНГВИСТИКА

ВАЛЕНТНОСТЬ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СЕМАНТИКИ И СИНТАКСИСА (К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ ВАЛЕНТНОСТИ)

А.Ш.АЙРАПЕТЯН
ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова

Проблема дефиниции: валентность в квазисинонимическом ряду

Многообразие лексико-семантических и синтаксических связей, в которые вступает слово в потоке речи, породило обилие терминов, обозначающих закономерности таких связей: *сочетаемость, управление, дистрибуция*, а главное – *валентность*. Мы выделили *валентность*, поскольку и сочетаемость, и управление представляют собой лишь реализацию валентности. «Валентность признается <лингвистами> фактом языка, а сочетаемость – явлением речи» (Косицына 2002: 8). Хотя надо заметить, что при определении понятия валентности часто обращаются к синонимической замене, иногда невольно подменяя искомое понятие. Так, Л.Н. Засорина и В.П. Берков определяют валентность как «потенциальную сочетаемость однород-

ных элементов языка» (Засорина, Берков 1961: 133). При этом они мотивируют замену одного термина другим размытостью семантики термина “сочетаемость”, возникшей в результате длительного употребления (см. там же: 134). В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой валентность толкуется следующим – упрощенным – образом: «способность слова вступать в словосочетания с другими словами» (Розенталь, Теленкова 2003: 48). Так же довольно схематично определена валентность в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Валентность – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» (ЛЭС 1990: 80). Гораздо более привлекательное толкование валентности можно обнаружить в работе Л.А.Новикова «Семантика рус-

ского языка»: «Валентность является одной из важнейших структурных характеристик лексических единиц. Она фиксирует типовую сочетаемость данной единицы с другими и *всю* дистрибуцию этой единицы, то есть совокупность *всех* сочетаний (окружений, контекстов), в которых данная единица может встречаться. Валентность основывается на законах (смыслового) семантического согласования, соположения единиц, благодаря наличию в их содержании общих компонентов» (курсивом выделено нами – А.А.) (Новиков 1982: 94). Тем не менее даже в этой характеристике вызывает сомнение однозначное соотнесение валентности и дистрибуции. Дело в том, что с синтаксической точки зрения объем понятия «дистрибуция» шире объема понятия «валентность», однако дистрибуция не затрагивает семантического уровня. Под дистрибуцией понимается – вслед за З.Харрисом – сумма окружений, в которых встречается языковой элемент. Эти окружения элемента А определяются как существующий набор элементов, «с которыми А сочетается и образует высказывание» (цит. по: Степанова, Хельбиг 1978: 148). Таким образом, дистрибуция – это совокупность («класс») всех ок-

ружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может... (Ахманова 1969: 137); валентность же охватывает **не все** элементы, которые встречаются в «окружении» слова, а только валентно-зависимые, но не свободные распространители. Тем самым эти валентно-зависимые окружения представляют собой только часть дистрибуции в целом.

Так или иначе, практически во всех определениях валентность характеризуется как **потенция**, как **способность** к тем или иным сочетательным возможностям: «Валентность глагола понимается как обусловленная его семантикой способность слова сочетаться с определенным кругом актантов, детерминирующая их семантику, количество, характер (обязательный/ факультативный), способ и форму выражения» (Кибардина 1988: 13).

Формирование теории в 50 – 80-е гг.

В западноевропейское языкознание термин «валентность» ввел французский лингвист Л.Теньер для обозначения способности глагола к управлению зависимыми словами – актантами.

Согласно Л.Теньеру, актанты – это «живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве, даже в качестве простого статиста, и любым способом, не исключая самого пассивного» (Теньер 1988: 117). В своей вербоцентрической теории он соотносил валентность только с глаголом и определял ее как число актантов, которые может присоединять глагол: «Глагол можно представить себе в виде своеобразного атома с крючками¹, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе. Число таких крючков, имеющих у глагола, и, следовательно, число актантов, которыми он способен управлять, и составляет сущность того, что мы будем называть валентностью глагола» (там же: 250). Число актантов, считает ученый, ограничено – это подлежащее и дополнения. При этом наблюдается известная иерархия

среди этих участников: подлежащее – первый участник, прямое дополнение – второй, а косвенное дополнение – третий. (Обстоятельственные слова исключаются из теории валентности и получают название «сирконстанты».) Исходя из количества управляемых актантов, Л. Теньер делит все глаголы на четыре группы: авалентные (безличные), одновалентные (непереходные), двухвалентные (переходные с одним дополнением) и трехвалентные (переходные с двумя дополнениями).

Хотя именно с Л. Теньером – по праву – ассоциируется понятие «валентности» и по сей день (ведь именно он является основоположником «классической» теории валентности), вместе с тем стоит сказать, что впервые в русской лингвистике это понятие самостоятельно употребил С.Д. Кацнельсон. «Полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определённым образом, предуказанным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные

¹ Образ «атомов с крючками» (*les atomes crochus*) подсказан Л.Теньеру теорией Демокрита, утверждавшего, что атомы – мельчайшие неделимые элементы – благодаря неровностям своей конфигурации («крючкам») сцепляются между собой, образуя тела (Гак 1988: 618).

комбинации с другими словами можно было бы назвать его синтаксической валентностью²) (Кацнельсон 1948: 132; Кацнельсон 1986: 126).

В середине 60-х годов определились два различных варианта в интерпретации понятия валентности: с одной стороны, оно стало рассматриваться как формальное явление уровня выражения, с другой – как явление понятийно-универсального характера. После того как обе интер-

претации были первоначально противопоставлены друг другу, в конце концов в итоге дискуссий выявилась возможность и необходимость выделить различные уровни валентности, находящиеся в определенном взаимоотношении. В 1970-е гг. лингвисты стали выделять логическую, семантическую и синтаксическую валентности. Наиболее наглядно их соотношение изложено в работе М.Д.Степановой и Г. Хельбига «Части речи и проблема валентности в немецком языке». В ней говорится, что если исходить из того, что между действительностью, мышлением и языком имеется диалектическая связь и что явления внеязыковой реальности представляют собой объект мыслительного отражения и одновременно основу мотивации языковых структур, то логические суждения в качестве отражения явлений действительности в мышлении представляют собой связующее звено между явлениями действительности и семантико-синтаксической структурой языка (см.: Степанова, Хельбиг 1978: 154). Отражаемые в сознании явления действительности выражаются в виде структур высказывания, то есть как логические предикаты с одной или несколькими открытыми позиция-

² У С.Д. Кацнельсона тоже “химические” ассоциации: “Как в химии далеко не всякий элемент способен сочетаться с атомами других элементов, так и в живой целостности речи далеко не каждое слово сочетается с любым другим” (Кацнельсон 1948: 132). В связи с химико-лингвистической терминологической корреляцией хотелось бы привести комментарий В.З.Демьянкова: «Валентность глаголов в некотором смысле действительно аналогична валентности атома, рассматриваемой в химии: глагол, как и атом, образует «молекулу», называемую глагольной составляющей. Однако аналогия с химической валентностью не является полной: в лингвистической концепции валентности мало учитывается свойство неглагольных атомов также иметь свою валентность» (Демьянков 1980: 339). Это критическое замечание несколько преувеличено, ибо уже с конца 1970-х гг. понятие валентности стало применяться при исследовании семантики не только других знаменательных частей речи (прилагательных, существительных, наречий), но даже служебных, в частности, частиц; см. Богуславский 1979; Богуславский 1996).

ми, заполняемые аргументами. Под “аргументами” авторы понимают «члены, зависимые от логического предиката – в отличие от актантов (как членов, синтаксически зависящих от глаголов)» (там же: 155)³. Наличие одного, двух или более аргументов к предикату зависит от его понятийного содержания. «Поскольку мы <в данном случае> имеем дело с мыслительными отношениями между логическими предикатами и аргументами, можно говорить о *логической валентности*. Она имеет внеязыковой и универсальный характер и представляет собой отражение отношений между внеязыковыми явлениями» (там же).

Аргументы к определенным предикатам на семантическом уровне должны заполняться соответствующими переменными, принадлежащими к определенным семантическим классам (например:

³ В дальнейшем большинство лингвистов отказалось от удвоения терминов, приводящего к усложнению терминологического аппарата, и вслед за выделением семантической и синтаксической валентностей стали выделять семантический и синтаксический актанты: “Синтаксическим актантам противопоставляются семантические. Актанты можно различать как элементы плана содержания, как роль в ситуации, и актанты как позиции в структуре предложения, предназначенные для определенных ролей” (Шустова <http://>).

агенса, пациенс, адресат). В этом случае перед нами *семантическая валентность*. Семантическая валентность отражает тот факт, что слова (в качестве носителей валентности) требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками. Причем отбор осуществляется на основе совместимости или несовместимости семантических признаков обоих контекстных партнеров, которые в свою очередь мотивированы явлениями действительности. Таким образом, семантическая валентность заключается в ограничении избирательности, регулируемой совместимостью контекстных партнеров. При этом атомарные семантические признаки явно универсальны, но их пучки, составляющие определенные лексемы <точнее – ЛСВ>, варьируются от языка к языку (см. там же: 156).

Аргументы, которые определенным образом представлены морфолого-синтаксическими структурами (определенными членами предложения и частями речи в определенной форме), репрезентируют *синтаксическую валентность*. Синтаксическая валентность рассматривает облигаторное

или факультативное заполнение открытых позиций, количественно и качественно определяемых носителем валентности в каждом отдельном языке. Она регулирует тем самым заполнение имеющих логико-семантических открытых позиций облигаторными или факультативными актантами и их синтаксико-морфологическую репрезентацию частями речи в определенных падежах или поверхностными членами предложения.

Очевидно, что между синтаксической и семантической валентностью существует зависимость, а семантика глагола является основным фактором, определяющим число и синтаксическую функцию аргументов. В то же время «логико-семантическая валентность лишь предопределяет синтаксическую валентность, но никоим образом не устанавливает и не определяет ее окончательно» (там же: 157). Но то, что определяется как синтаксическая валентность, характеризует лишь формальную (структурную) сторону. Поэтому семантическая валентность должна рассматриваться как содержание, а синтаксическая – как форма выражения семантической валентности.

Об этом же пишет и С.Д. Кацнельсон: «Под явными синтак-

сическими связями, выражаемыми синтаксической морфологией, скрываются глубинные, запятанные в лексических значениях синтаксические связи. В содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения. Предикат имеет «места» или «гнезда», заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальным признаком «гнезда». Сочленение внешних форм в предложении воспроизводит лишь частично внутреннее сочленение лексических значений, предопределенное во многом валентностью предикативного признака и скрытыми категориями «заполнителей» его «гнезд» (Кацнельсон 1972: 88). «В плане содержательной валентности каждое глагольное значение как бы открывает вакантные позиции по числу подразумеваемых им субъектно-объектных функций, и эти позиции с той или иной степенью обязательности подлежат замещению в предложении. От содержательной валентности, формулируемой в терминах субъектно-объектных функций, следует отличать ее морфоло-

гическое обнаружение, варьирующее от языка к языку. <...> Если содержательная валентность в принципе универсальна, то ее морфологическое выявление идиотично по своей природе» (там же: 47).

Таким образом, теория валентности обращается к проблеме взаимопроникновения синтаксиса в семантику и семантики в синтаксис. В настоящее время общепризнанным фактом является обусловленность валентности набором семантических множителей, составляющих значение слова: «Семантическая валентность базируется на сочетаемости отдельных семантических компонентов, независимо от того, как их называют в различных лингвистических направлениях — семами, ноэмами, семантическими признаками и т.д.» (Степанова, Хельбиг 1978: 157).

Итак, логическая валентность — это внеязыковое отношение между понятийными содержаниями; семантическая валентность выявляется на основе совмести-

мости и сочетаемости семантических компонентов (признаков, сем); синтаксическая валентность связана с различными способами облигаторного и факультативного заполнения открытых позиций определенного числа и вида, данный тип валентности обладает индивидуальными характеристиками в системе каждого языка. (Нужно заметить, что семантическая и логическая валентности часто объединяются, и тогда говорят о логико-семантической валентности в целом). На фоне указанных различий выявляется и общность, инвариантная особенность, которая свойственна валентности на всех уровнях: она всегда означает способность (как на логико-семантическом, так и на синтактико-морфологическом уровне) элементов сочетаться с другими элементами, способность иметь определенное число открытых позиций, которые заполняются (могут или должны заполняться) другими определенными элементами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969.
2. **Богуславский И.М.** О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. АКД. – М., 1979.
3. **Богуславский И.М.** Сфера действия лексических единиц. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. **Гак В.Г.** Комментарии. // Л.Теньер. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – С.614-622.
5. **Демьянков В.З.** Предикаты и концепция семантической интерпретации. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 39. № 4. 1980. – С. 336-346.
6. **Засорина Л.Н., Берков В.П.** Понятие валентности в языке. // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка и литературы. – Л., 1948. №8. Вып. 2. – С. 133-139.
7. **Кацнельсон С.Д.** О грамматической категории // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка и литературы. – Л., 1948. №2. – С. 114-134.
8. **Кацнельсон С.Д.** Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
9. **Кацнельсон С.Д.** Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986.
10. **Кибардина С.М.** Валентность немецкого глагола. Автореф... док. филол. наук. – Л., 1988.
11. **Косицына Е.Ф.** Семантические валентности глаголов зрительного восприятия и способы их выражения. Дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГПУ, 2002.
12. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
13. **Новиков Л.А.** Семантика русского языка: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1982.
14. **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: «ОНИКС 21 век», «Мир и образование», 2003.
15. **Степанова М.Д., Хельбиг Г.** Части речи и проблема валентности в немецком языке: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1978.
16. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.
17. **Шустова С.В.** Семантическая структура предложения и роль глагола в ее формировании. – <http://www.SID.ir>

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на материале русского и армянского языков)

Б.С. ХОДЖУМЯН
ЕГУ

Категориальное значение фразеологизма позволяет объединять фразеологические единицы по семантико-грамматическим признакам, соотнося их с определенными (соответствующими) частями речи. В основе традиционной классификации фразеологизмов вообще и их отдельных тематических групп, в частности, лежит деление по принципу грамматически господствующего компонента ФЕ, выражающего наиболее обобщенное значение: действие, предметность, качество и т.д. С позиций же логического подхода к проблеме представляется возможным другой принцип распределения соматических фразеологизмов по частям речи.

Так, логико-семантическое исследование соматических фразеологизмов позволяет классифицировать их по принципу семантического соответствия фразеологизма в целом какой-либо конк-

ретной части речи, то есть: по принципу семантической соотнесенности. С позиций указанного подхода можно выделить довольно большое количество фразеологических групп, но мы остановимся на наиболее продуктивных из них, каковыми являются субстантивная, глагольная, адъективная и адverbиальная группы соматических фразеологизмов.

1. Глагольные соматические фразеологизмы

Фразеологизмы данной группы по своему лексико-грамматическому значению эквивалентны глаголам, т.е. их значение зачастую можно выразить соответствующими глаголами.

Например:

клевать носом – дремать
обводить вокруг пальца – обманывать
носить на руках – обожать
задирать нос – зазнаваться
держат язык за зубами – молчать

высасывать из пальца – выдумывать

вылететь из головы – забыть

водить за нос – обманывать

Эквивалентные армянские соматические фразеологизмы также обнаруживают семантическую соотнесенность с конкретными глаголами.

Сравним:

բերանը ջուր անել – լնել
գլուխը տանել – ձանձրացնել
սկանչիւն օդ անել – հիշել
լեզուն կով տալ – լնել

2.Субстантивные соматические фразеологизмы

Выделенная группа объединяет соматические фразеологизмы, по своему лексико-грамматическому значению соотносящиеся с именем существительным. Следует отметить, что данная группа весьма малочисленна.

Например:

золотые руки – мастер

светлая голова – умница

шаловная голова – сумасброд

голова садовая – разиня

дубовая голова – тупица

Как видно из представленных примеров, подавляющая часть фразеологизмов данной группы в качестве стержневого компонента содержит соматическое существительное «голова». Интересно также заметить, что почти все соматические фразеологизмы, входя-

щие в рассматриваемую группу, семантически соотносимы не только с конкретными существительными, но и с соответствующими прилагательными.

Сравним:

золотые руки – мастер – умелый
светлая голова – умница – умный, способный

дубовая голова – тупица – бестолковый и т.д.

При обращении к эквивалентным армянским фразеологизмам заметно резкое несоответствие в плане их соотнесенности с субстантивными основами, и в этом смысле представляется целесообразным подробный анализ группы армянских субстантивных соматических фразеологизмов. Однако сказанное не означает, что внутри армянской фразеологической системы отмеченная группа вовсе отсутствует, а здесь, скорее, можно констатировать очевидную малочисленность последней.

Например: ոսկի ձեռքեր – վարպետ

Большинство же подобных соматических фразеологизмов в армянском языке восходит к адъективным основам.

Сравним:

ոսկի սիրտ – բարի
հայտնի դեմք – ճանաչված
սպաժառ գլուխ – խելացի

3.Адъективные соматические фразеологизмы

Общим семантическим признаком адъективных фразеологизмов является выражение значения качества. Посредством указанного категориального значения обеспечивается связь и взаимодействие соответствующих фразеологизмов в плане их соотносительности с именем прилагательным. Те или иные изменения в области категориального значения неизменно проявляются в сочетаемости фразеологизмов. В роли доминирующего компонента во фразеологизмах рассматриваемого типа встречаются как полные, так и краткие формы прилагательного. Иногда же выделенные формы параллельно и равноправно сосуществуют в языке.

Сравним:

тугой на ухо – туг на ухо
крепкий на ухо – крепок на ухо
тяжелый на руку – тяжел на руку
нечистый на руку – нечист на руку

Подобные параллельные формы, на наш взгляд, следует рассматривать как вариантное употребление одного и того же фразеологизма. Однако, независимо от конкретно реализованной формы адъективной основы, грамматически господствующий компонент выделенных фразеологизмов ха-

рактеризуется семантикой постоянного признака лица (или предмета). Так, например, соматический фразеологизм **«нечистый (нечист) на руку»** нельзя употреблять в окружении наречий или предложно-падежных сочетаний с семантикой временности, непостоянства и, наоборот, сочетания их с наречиями и предложно-падежными сочетаниями, характеризующимися постоянством, продолжительностью, неизменностью семантики, логически оправдано и семантически закономерно.

Например, сравним параллельные пары фразеологизмов в контексте:

Он **всегда** был тяжел на руку. – Он **вчера** был тяжел на руку.
Он **всегда** был туг на ухо. – Он **вчера** был туг на ухо.

Нет сомнений, что предложения, содержащие наречие **«вчера»**, ограниченное определенными рамками времени, носят абсурдный характер и не могут считаться правильными. Наоборот, в предложениях с наречием **«всегда»**, отличающимся постоянством семантики, заключена весьма конкретная и логически исчерпывающая информация. Более того, при более внимательном рассмотрении видно, что предложения первого типа совершенно не нуждаются в так называемых

«наречиях-конкретизаторах» постоянного признака (вчера, сегодня, сейчас, обычно и т.д.); в таких предложениях ощущается даже очевидная излишность этих наречий, поскольку смысл последних полна реализован адъективными компонентами соответствующих фразеологизмов. Искусственно же вклинив указанные наречия в иллюстрируемые предложения, мы имели целью убедительнее и нагляднее подчеркнуть неизменность семантического признака представленных адъективных основ и их независимость от лексического окружения.

Как уже было отмечено, встречающиеся в составе соответствующих соматических фразеологизмов параллельные формы прилагательного (полная и краткая) рассматриваются нами как варианты, не вызывающие семантического сдвига внутри данных фразеологизмов. Иначе говоря, замена одной формы другой (или выбор одного из вариантов) не влияет на семантическую целостность фразеологизма: в обоих случаях налицо одинаково исчерпывающе выраженная семантика качества. Тем не менее наши наблюдения над конкретным материалом показывают, что характерная для рассматриваемого типа соматических фразеологизмов се-

мантика качества ярче, интенсивнее и полнее проявляется именно в полных формах прилагательного. В кратких же формах указанная семантика, как правило, несколько ослаблена, что, вероятно, можно объяснить предикативным назначением кратких адъективных форм.

В рассматриваемую группу соматических фразеологизмов входят не только фразеологизмы, включающие в свой состав адъективный компонент, но и многочисленные соматические фразеологизмы, компоненты которых восходят к другим частям речи, ибо, как уже было отмечено, данная классификация основана на принципе соотнесенности фразеологизма с той или иной частью речи, а не на принципе включения в состав соматических фразеологизмов компонентов, принадлежащих к определенной части речи.

Проиллюстрируем это на примере некоторых соматических фразеологизмов, обнаруживающих семантическую соотнесенность с именами прилагательными, а потому и включенных нами в группу адъективных соматических фразеологизмов.

Сравним:

кожа да кости – худой

голова варит – сообразительный

глаза на мокром месте – плаксивый

ветер в голове – легкомысленный

без царя в голове – глупый

без задних ног – усталый

Фразеологизмы указанной группы весьма широко распространены и внутри фразеологической системы армянского языка.

Сравним:

կաշին ու ուկորները – նիհար
գլուխն աշխատում է – խելացի
գլխում քամի է – թեթևամիտ

4. Адвербиальные фразеологизмы

По своему лексико-грамматическому значению фразеологизмы, входящие в выделенную группу, восходят к наречиям и легко могут быть заменены последними. Данная группа отличается высокой степенью продуктивности и широкой распространенностью во фразеологической системе русского языка.

Сравним:

как снег на голову – неожиданно

рукой подать – близко

руки не доходят – некогда

во все лопатки – быстро

во все глаза – внимательно

во все горло – громко

как зеницу ока – бережно

На широкую руку – щедро

На широкую ногу – быстро

Выраженной наречной принадлежностью отмечаются также

фразеологизмы, образованные путем повторения соматического компонента.

Например:

бок о бок – рядом

рука об руку – вместе

нос к носу – близко

плечом к плечу – вместе

К этой же группе относятся соматические фразеологизмы предположно-падежного характера.

Сравним, например:

под носом – близко

в глаза – открыто, явно

за глаза (за спиной) – тайно, неявно

под рукой – близко, поблизости

под боком – близко, рядом

Внутри фразеологической системы армянского языка также наречные фразеологизмы составляют обширную группу и относятся преимущественно к разговорному стилю.

Сравним, например:

աչքերը չորի արած – ուշադիր

գլխապատառ վազել – արագ

կոկորդով մեկ – բարձր

աչքի լույսի պես - զգուշությամբ

Подобно русским эквивалентам, армянские соматические фразеологизмы предположно-падежного характера и фразеологизмы с повторяющимся соматическим компонентом также обнаруживают очевидную соотнесенность с соответствующими наречиями.

Например:

կողք կողքի – մոտիկ
 ուս ուսի – միրասին
 ձեռք ձեռքի – միասին
 քիթ քիթ – մոտիկ

Сравним также:

քրի տակ – մոտիկ /կամաց/
 ձեռքի տակ – մոտիկ, կողքին
 աչքի առաջ – դեմը

Итак, вышепредставленная классификация соматических фразеологизмов, основанная на их семантической соотнесенности с определенными частями речи, позволила нам выделить четыре основные группы фразеологизмов. Что касается армянских соматических фразеологизмов, то классификация их по указанному принципу не всегда однозначна и чаще всего носит относительный и расплывчатый характер.

Например, фразеологическое выражение «**մինչև կոկորդը կուշտ լինել**» можно отнести и к глаголу (այլևս չցանկանալ որևէ բան), и к наречию (շատ

Приведем еще пример: фразеологизм «**գլխում շիլա-փլավ է**» соотносится и с существительным (խառնաշփոթություն), и с глаголом (ամեն ինչ խառնվել է), и отнесение его к какой-нибудь

одной из указанных частей речи не может считаться реально обоснованным, а зачастую обусловлено конкретным контекстом.

Среди рассматриваемых армянских соматических фразеологизмов лишь фразеологизмы, соотносимые с соответствующими глагольными формами, могут быть четко и неоспоримо причислены к группе глагольных соматических фразеологизмов.

Так, сравним

սիրտը չի կանու՛մ – դուր չի գալի
 աչքերին թո՛ղ փչե՛լ – խաբել
 բերանը ջուր հավաքել – լռել
 աչքից ընկնել – հիասթափվել
 երեսով տալ – հանդիմանել
 ձեռք քաշել – հրաժարվել
 գլխին տալ – ափսոսել
 ոտքը կտրել – հեռացնել

Думается, такая свободная однозначная связь глагольных фразеологизмов с соответствующими deverbтивными основами вызвана семантикой действия, которая способна передаваться только глаголом.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

А.М. ШАТИРЯН

ЕГУ

Лингвокультура, как известно, — это культура, закрепленная в знаках языка. И еще, лингвокультура — это национально-специфический элемент культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры. Каждый человек, появляясь на свет, становится частью определенной этнической группы людей и даже независимо от своего желания является носителем данного языка, а значит и представителем данной лингвокультуры. Отражение мира в языке — это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены картины национального характера, мировоззрение, мораль и так далее. Но языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира, которая, как и языковая, для каждого народа индивидуальна, отлична от других. Путь от всеязыковой реальности к понятию а далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обус-

ловлено различиями истории и образа жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно различна языковая картина мира у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализации, и в лексике, и в грамматике. Именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» [Тер-Минасова, 2008, с. 61].

Русский и армянский народы, находясь почти двести лет в составе единого государства, связаны тесными историческими, экономическими и политическими узами. Русский язык для значительной части армянского населения был (а для многих армян и сейчас остается) вторым родным языком, поэтому сравнительный анализ любых значительных аспектов обоих языков (в данном случае способов выражения нега-

тивных эмоций в обеих лингвокультурах) служит обогащению, расширению знаний русского языка армянскими учащимися.

Итак, обратимся к важнейшему понятию лингвокультуры – *концепту*, который, по мнению специалистов, являясь носителем памяти народа, обладает еще одной важной особенностью. «Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным, ореолом», - пишет Маслова, - «это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепт – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений разных мнений. Между понятиями и концептами нет непроходимых границ» [Маслова, 2007, с. 38]. При определенных условиях, переходя в другой план языка (например, поэтический), приобретая экспрессивно-эмоциональную окраску, обычные слова-понятия становятся концептами. К примеру, (по Масловой) слово *лестница*, которое в поэзии М.Цветаевой из понятия стало концептом.

Начнем с эмоциональных концептов, прямо противоположных основным базовым концептам, выражающим положительные эмоции: радость, счастье,

любовь. Последним в силу понятных причин (естественного стремления человека к счастью) в соответствующей литературе уделяется больше внимания, чем негативным. В словаре антонимов М.Львова читаем: радость – горе, скорбь, грусть, печаль, тоска, огорчение [Львов, 1985, с.236-237].

Горе (по словарю Ожегова) – скорбь, глубокая печаль.

Здесь, как видим, толкование основного концепта идет через синонимы. Заметим, что эмоциональные концепты, вступая в сочетание с эпитетами, приобретают еще большую эмоционально-экспрессивную окраску. Вот эпитеты, передающие силу, глубину, продолжительность страдания.

Итак, горе может быть безмерное, безнадежное, безутешное, безысходное, беспросветное, большое, великое, вечное, глубокое, глухое, гнетущее, горемычное (нар-поэт.), невыразимое, нежданное, неубывное, неизмеримое, неисходное (устар.), неутешное, страшное, темное, ужасное. Эпитеты, говорящие о степени распространения, широте охвата этого явления: вселенское, личное, людское, народное, национальное, человеческое, человечье [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 97].

Как видим, охват эпитетов, определяющих это негативное явление эмоциональной жизни, огромен. И это естественно, ведь отрицательные эмоции, вызванные как личным горем (болезнями, страданием, смертью близких людей), так и общественным (войнами, природными и социальными катаклизмами), сопровождали жизнь людей всегда. Эти эпитеты, отражающие образное мышление народа, широко употребляются как в устном народном творчестве, так и в оригинальном творчестве писателей. Нередко с легкой руки писателей входят в речевой обиход неожиданные определения. Например, «Отравленная бабьим неусыпным горем разматывалась пряжа дней» (Шолохов. «Тихий Дон»). Или «Для меня в слезах Кисочки, в ее дрожи и тупом выражении лица чувствовалась несерьезная мелодрама, где каждый золотник пустого, дешевого горя заливался пудом слез» (Чехов. «Очки»). Или «Чашу вселенского горя всю расплещи» (Некрасов. «Душно без счастья и горя»). «Я видел только огромное, бессловесное и темное горе этого маленького, захлебывающегося от слез существа» (Паустовский. «Старик в потертой шинели»).

У каждого слова есть своя лексико-фразеологическая сочетае-

мость, или валентность. Она, выражаясь словами Тер-Минасовой, "дружит" и сочетается с одними словами и/или не "дружит" и не сочетается с другими. «Она (валентность) национальна, а не универсальна, в том случае, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика эта становится очевидной только при сопоставлении языков, подобно тому как данная культура выявляется при столкновении с живой» [Тер-Минасова 2008, с. 61].

Итак, с какими словами "дружит" концепт горе?

Горе можно *влагать*, горе можно *хватить*, *испытать*, *познать*, с горя можно *заболеть*, *сойти с ума*, *умереть*. Если радость можно *доставить*, то горе – *причинить*. В русской лингвокультуре обычно делятся положительными эмоциями: *счастьем*, *радостью*, *улыбками* (Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется), а отрицательными – нет. Не делятся обычно *несчастьем*, *страданием*, *скорбью*. И хотя есть выражение *поделиться своим горем с кем-нибудь*, то здесь скорее делятся информацией о своих невзгодах с целью облегчить душу. Точнее сказать, поведать о своем горе, несчастье. Кстати, в армянском

языке есть такое же выражение. В толковом словаре Э.Агаяна читаем: «Վիշտը թափել, կես անել, վիշտը մեկին հայտնելով թեթևանալ» [Աղայան, 1976, էջ.1392].

Следует отметить, что в армянской лингвокультуре горе можно не только *разделить*, но и *взять себе боль, причитающееся кому-то зло, умереть за (ради) кого-то, стать жертвой ради кого-то – ցափն տանել, չարն տանել, մեռնել թեզ, մատաղ լինել թեզ*. Эти выражения, ставшие в современном армянском обиходе скорее ласковыми обращениями, чем выражением каких-то сильных эмоций, безусловно, имеют очень глубокие корни. После катастрофического спитакского землетрясения в тогдашней советской прессе появлялось много статей, где русские журналисты, потрясенные происходящими событиями, обращались к выражению *ցափն տանել*, вынося его нередко в заглавие статьи. Находим его гносеологические корни: именно в языке такого народа как армянский с его многострадальной историей могло сформироваться подобное высказывание: готовность взять себе боль любимого человека, дабы облегчить его страдание.

Теперь рассмотрим антонимы другого эмоционального концепта – *счастье*. Это – несчастье, беда, опять-таки горе, злосчастье (нар-поэт.).

В этом синонимическом ряду остановимся на концепте *беда*. То же что и *горе*, *несчастье* (по словарю Ожегова).

Вот эпитеты, сочетающиеся со словом *беда*. Бедовая (нар-поэт.), безысходная, большая, великая, всесветная, глухая, горестная, горькая, грозная, жестокая, злая, извечная, неминуемая (нар-поэт.), неожиданная, неотвратимая, непоправимая, роковая, смертная, суровая, тяжелая, ужасная, черная (уст.) [Горбачевич, Хабло, 1976, с. 24].

Как видим, большая часть эпитетов сочетается со всеми синонимами: *горе*, *несчастье*, *беда*. Среди них много народно-поэтических. «Не то несчастье чует бабушка Матрена, не то беду бедовую» (Некрасов. «Андрей Прутков») или «Печаль моя все-светная» (Кольцов. «Пора любви»). «Вечерний лес наполнился предчувствием извечной лихой беды» (Васильева. «Исторический триптих»).

Концепт *беда* сочетается со следующими словами. Беду можно *накликать*, в беду можно *попасть*, в беде можно *очутиться*,

из беды можно *вызволить*, *выручить*. Беду можно *отвести* («Искру туши до пожара, беду отводи до удара»). Концепт *беда* представляется нам наиболее персонифицированным («Беда одна не ходит. Пришла беда - открывая ворота»). Большая часть перечисленных выше эпитетов (безысходный, великий, жестокий, злой, лютый и т.д.) сочетается и со всем синонимическим рядом: горе, несчастье, беда, скорбь, печаль. Но только *печаль* может быть еще и *сладостной*, *сладкой*, *тихой*, *светлой* (Печаль моя светла. Лермонтов).

Наконец, рассмотрим антоним третьего базового положительного концепта *любовь* – *ненависть*. Эти два концепта постоянно существуют рядом (От любви до ненависти один шаг).

Ненависть (по словарю Даля) – чувство сильной вражды и отвращения. Посмотрим, какие эпитеты сопутствуют этому эмоциональному концепту. Бабская (простореч.), безграничная, бездоказательная, безотчетная, безрассудная, безудержная, беспощадная, бессильная, бешеная, брезгливая, великая, гадливая, глубокая, глухая, голая, горячая, дикая (разг.), испепеляющая, иступленная, лютая, неистовая, неистребимая, неисчерпаемая, нена-

сытная, непримиримая, неугаданная, неукротимая, неутомимая, нечеловеческая, остервенелая (простореч.), откровенная, отчаянная, праведная, ревнивая, рьяная, свирепая (разг.), священная, сильная, скрытая, слепая, смертельная, смертная, справедливая, старинная, страстная, страшная, темная, тихая, тоскливая, тупая, тяжелая, убийственная (разг.), упорная, фантастическая, холодная, ядовитая, ярая (разг.), яростная.

Эпитеты, говорящие о степени распространения, широте охвата данного явления: всенародная, всеобщая, классовая, национальная, общая, политическая, расовая, революционная, религиозная и т.д. [Горбачевич, Хабло 1979, с.277-279].

Как видим, чувство ненависти поистине безгранично и неукротимо.

В произведениях русских писателей эти эпитеты употребляются очень широко. Например, «Безрассудная, слепая, неукротимая, ненависть густо обволакивала Лесницкого» (Шолохов. «Тихий Дон»). «То была в те дни нерассуждающая, бездоказательная, брезгливая ненависть без всякой политической окраски». (Успенский. «Записки старого петербуржца»). Или «Он чуть не задохнулся от хлынувшей в него

ядовитой, как газ, ненависти». (Шолохов. “Тихий Дон”).

Ненависть можно *испытывать, питать* к кому-либо, ненавистью можно *наполниться, гореть, пылать*.

Итак, как видим, русская лингвокультура обладает весьма широким спектром выражения базовых отрицательных эмоций. Теперь обратимся к армянскому языку. В русско-армянском словаре к слову *горе* дается следующий синонимический ряд: *վիշտ, թախիծ, կսկիծ, դժբախտություն, տրտմություն, պատուհաւ, դառնություն, ցավ, դարդ*. А вот толкование ключевого слова *վիշտ* у Э.Агаяна: *ծանր կորուստի, աղետի, անհաջողության և այլն պատճառով տառաջացող հոգեկան տառապանք* [Աղայան, 1976, էջ 1392].

Последующие понятия также в основном толкуются через слова того же синонимического ряда: *աղետ-վիշտ, դժբախտություն, չարիք, շատ ծանր դժբախտ պատահար*. Почти со всеми словами этого синонимического ряда сочетаются следующие эпитеты армянского языка: *անշափ, անսահման, մութ, ւարսափելի, անհավոր, ճակատագրական, մահացու, խորին*. Ненависть – *ատելություն* – помимо уже перечисленных эпитетов имеет и много

других: *ցւահ, կրքու, թունաւոր, հաւերժ, մահաբեր, դառնագին, խորր*:

Сравнительный анализ полученных словосочетаний показал, что большая часть их находит отражение как в русской, так и в армянской лингвокультурах. Мы также находим соответствие в некоторых устойчивых словосочетаниях: *վիշտը ւզալ, տառապանք կրել, տառնությանը լցվել, վիշտը կարեկցել*.

Думается, это говорит как о богатстве языков, так и о некоторой близости мышления обоих народов.

Пока мы рассматривали номинальные способы передачи негативных эмоций: словарные статьи с толкованиями этих понятий; словосочетания с использованием эпитетов, усиливающих эмоциональное воздействие, а также те глаголы, которые с ними “дружат”. Отрицательные эмоции в языке могут передаваться и другими, косвенными путями: фразеологическими оборотами, междометиями, междометийными фразеологизмами (причитаниями, проклятиями и т.д.).

Понятие *междометия* в словаре Ожегова дается так: «Неизменяемое слово, выражающее какое-то непосредственное чувство, например, *ах, ох*» [Ожегов,

1978, с. 316]. Что касается междометийных фразеологизмов, то в фразеологи-ческом словаре читаем: «Междометийные фразеологизмы – *убей (меня) бог, разрази (меня) гром, лопни (мои) глаза, не сойти мне с этого места, провалиться мне на этом месте* толкуются: клятвенные заверения в чем-либо. Иногда значение междометийного фразеологизма такого типа может быть выражено более точно. Например: *отсохни (у меня) язык, отсохни (у меня) руки и ноги*: клятвенное заверение в том, что сказанное или сделанное – чистая правда. Междометийные фразеологизмы *хоть волком вой, хоть в гроб ложись, хоть в петлю лезь, хоть караул кричи, хоть плачь, хоть пулю в лоб* со значением выражения того или состояния говорящего толкуются: выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения» [Молотков, 1967, с.14]. Конечно, к этому можно добавить проклятия типа: *чтоб (кто-нибудь) сдох, провалился; чтобы пусто было и т.д.*

Обращаясь к армянскому языку, мы находим широчайший диапазон выражения негативных эмоций, например, междометия:

աիւ, օիւ, վայ, հարայ, հուրայ, աւաւ и т.д. Междометийные фразеологизмы в армянском языке условно можно разделить на две группы: 1. выражения отчаяния и полной безысходности: *բոռաւաւ էս; աիւ, իս սև բախաւ; վա՛յ, էս ինչ եղաւ; վա՛յ, մեր տան լույսը հանգաւ; ա՛յ բեզ դժբախտություն; վա՛յ, տունս քանդվեց; հա՛յ գիտի հա՛յ; վա՛յ, հայի բախաւ; մեռած եմ, թաղած չեմ*. 2. проклятия, пожелания зла врагам: *հոդե՛ւ գլուխդ; սա՛ղ-սա՛ղ թաղեմ; անհծվե՛ս դու; վա՛յ, քո տղերք մարի՛*.

Многие из этих междометийных фразеологизмов имеют очень глубокие корни, например, *Գրոդը բեզ տանի* - «чтоб тебя взял Грох» имеет следующее древнее происхождение. Грох – один из богов языческой Армении, который, согласно легенде, забирал души усопших и вносил их в свои списки. Понятно, что смысл этого фразеологизма: *чтобы тебя черт побрал, чтобы тебе умереть*. Или все армянские фразеологизмы со словом *վաւաւ* – жертва – восходят к древнему языческому обычаю, существующему в армянской жизни и в наши дни, когда в честь какого-то знаменательного события, избавления, спасения кого-либо режут жертвенное животное и угощают мясом прохожих.

Подведем итоги сказанному. История армянского народа, отличающаяся большим драматизмом и трагизмом, чем русская, отразилась в его лингвокультуре, и поэтому вся эта негативная лексика здесь неслучайна. Ведь многие поколения людей в мгновение ока оказывались у разоренных очагов, лишались домов и становились невинными жертвами обстоятельств и жестоких врагов.

И потому многие из этих междоментийных фразеологизмов непреводимы, не имеют в русском языке аналогов. Итак, в сфере вербального выражения негативных эмоций армянская лингвокультура, увы, располагает большим диапазоном, что связано с особенностью истории и сложившимся на протяжении веков менталитетом народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Горбачевич К.С., Хабло Э.П.** Словарь эпитетов русского литературного языка, Л: «Наука», 1979, 567с.
2. **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М: «Русский язык», 1985, 381с.
3. **Маслова В.А.** Введение в когнитивную лингвистику, М: ФЛИНТА-НАУКА, 2007, 295с.
4. **Молотков А.И.** Фразеологический словарь русского языка, М: «Советская энциклопедия», 1967, 541с.
5. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка, М: «Русский язык», 1978, 846с.
6. **Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация, М: «Слово», 2008, 624с.
7. **Աղայան Է.Ա.** Արդի հայերենի բացատրական բառարան, Երևան, «Հայպետրատ» 1976, 2048 էջ:

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ ОРФЕЯ В ЛИРИКЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Н.Г. АРЕФЬЕВА
АСТРАХАНСКИЙ ГУ

К мифу об Орфее обращались многие поэты серебряного века (В.Соловьев, Вяч.Иванов, М.Цветаева, В.Ходасевич, М.Волошин и др.). Не был исключением и В.Брюсов, который на протяжении своего творческого пути не расставался с образом Орфея.

В юношеском стихотворении русского символиста «Уныние» (1893) впервые обнаруживаются отголоски мифа об Орфее:

Пусть во мраке неуверенном
Плачут призраки вокруг,
Пусть иду, в пути затерянный,
Через темный, страшный луг [2:
I, 35].

«Темный, страшный луг», мрак, плачущие вокруг призраки – все эти мифопоэтические образы отсылают нас к одному из эпизодов древнегреческого мифа, в котором повествуется о прославленном певце, спустившемся в подземное царство за своей Эвридикой. Однако в стихотворении Брюсова речь идет о современном поэте как о достойном преемнике легендарного Орфея, кто даже в аду пел гимны земной жизни и

верил в волшебную силу своего искусства:

И тогда обманам преданный,
Счастлив грезой своей...
Буду петь мой гимн неведомый,
Скалы движа, как Орфей [2: I,
35].

Незавершенное поэтом стихотворение «Верные лире» (1916) перекликается с упоминаемым нами выше произведением В.Брюсова: оно тематически связано с поэзией, здесь также прослеживается мистическая связь создателей современной лирики с мифологическим «родоначальником» музыкально-поэтического искусства:

Порой вступали в глубь пещер,
Где слышен грозный рев чудовищ,
Но к свету вновь, зажав химер,
Входили с горами сокровищ [2:
III, 356].

Как и Орфей, «верные лире» совершают подвиг, спускаясь в бездну, на самое дно – в ад. В стихотворении обнаруживаются отзвуки не только мифа об Орфее, но и преданий о Тезее и Белле-рофоне. Мифологические реми-

нисценции здесь имплицитны: имена героев не упоминаются, присутствуют лишь мифопоэтические образы («недра», «пещеры», «чудовища», «химеры», «подземные своды», «мгла», «призраки», «верх», «низ», «преисподняя»).

Таким образом, неназванные в стихотворении мифологические герои Орфей, Тезей и Беллерофонт как бы сливаются в единый образ идеального поэта. В поэтическом восприятии Брюсова у «преданных лире» помимо поэтического дара (Орфей) должен присутствовать властный дух завоевателя и бойца (Тезей и Беллерофонт).

Истинный поэт в своих исканиях всегда должен идти вперед, не останавливаясь, и продолжать творить свое искусство, даже если перед ним «раскрывается» ад:

Вверх или вниз, но путь идет,

Он с каждым шагом – безысходней...

Но все равно! вперед, вперед,

Поем и в недрах преисподней! [2: III, 357]

В поэтический сборник В. Брюсова «Stephanos» (цикл «Правда вечная кумиров») вошло стихотворение «Орфей и Эвридика», обращенное на этот раз непосредственно к героям древнегреческого мифа. Произведение сочинено в форме диалога Орфея и Эвридики, поднимающихся из ада к свету. Напомним, Орфей,

идуший впереди своей жены, не должен был оглядываться – таково было условие Аида. Орфей, как повествуют античные источники, все-таки оглянулся, когда почти достиг поверхности земли. По-разному трактуется трагическая вина Орфея. Согласно самой распространенной версии, певец испугался, что Эвридика потерялась, так как шаги тени Эвридики были бесшумны.

В трактовке Брюсова иначе: Орфей знает, что любимая следует за ним:

Слышу, слышу шаг твой нежный,

Шаг твой слышу за собой.

Мы идем тропой мятежной,

К жизни мертвенной тропой [2: I, 385].

Но трагедия заключается в том, что возлюбленная поэта, покорно идущая за ним мертва не только физически, но и духовно. Ей не нужны ни свет, ни земные радости и чувства. И все-таки тот, кто сумел покорить даже царство Аида, не теряет надежду вдохнуть в ее душу жизнь:

Верь мне! Верь мне! У порога

Встретишь ты, как я, весну!

Я залявший лирой – бога,

Песней жизнь в тебя вдохну! [2: I, 386]

Однако все безуспешно: для Эвридики, приобщившейся к иному миру, жизнь на земле не имеет уже никакой ценности и смысла:

Ах, что значат все напевы

Знавшим тайну тишины!

Что весна, — кто видел севы

Асфоделевой страны! [2: I, 386]

В. Брюсов следуя традиции древнегреческого мифопоэтического мышления, изображает Эвридику как обительницу «асфоделевой страны». В представлении древних, царство мертвых скрывалось в глубинах земли, куда не проникали солнечные лучи: «Там раскинулась унылая равнина, поросшая бледными цветами дикого асфоделя» [3: 82]. По этой унылой долине протекали подземные реки, среди которых была Лета. Испив из реки забвения, души забывали о жизни на земле, и не испытывали никаких чувств и желаний, то есть для земной жизни они становятся мертвы. Именно такой представлена жена Орфея в стихотворении русского поэта. Вероятно, брюсовский герой, вступая в диалог с Эвридикой, пытается ее «расколдовать». Для Орфея борьба за любимую начинается в подземном царстве. Прежде всего он пытается вернуть ей память, потому что в этом залог победы жизни над смертью: память пробудит в ней земные чувства, земную страсть:

Вспомни, вспомни! Луг зеленый,

Радость песен, радость пляск!

Вспомни, в ночи — потаенный

Сладко-жгучий ужас ласк! [2: I, 386]

И Эвридика, уже лишенная всех земных привязанностей и эмоций, с трудом начинает вспо-

минать. Сначала в ее душе воскресают сны, то есть мечты или, может быть, смутные воспоминания о жизни, поэтому она называет их снами. Сны в мифопоэтической традиции аналогичны смерти. Следовательно, для Эвридики из асфоделевой страны бывшая земная жизнь теряет реальность и предстает как смерть:

Сердце — мертво, грудь недвижна.

Что вручу объятью я?

Помню сны, — но непостижна,

Друг мой бедный, речь твоя. [2: I, 386]

Примечательно, что магия искусства Орфея не в состоянии «покорить» Эвридику, она «не слышит» его голоса, очаровывающего все вокруг, ей непонятны песни Орфея, она не помнит волшебства его музыки.

И то, что она вспоминает, не вызывает в ней желания снова жить. Для Эвридики даже их всепоглощающая страстная любовь представляется всего лишь тихим сном: она забыла истинный лик своего земного возлюбленного:

Помню счастье, друг мой бедный,

И любовь, как тихий сон...

Но во тьме, во тьме бесследной

Бледный лик твой затемнен...

[2: I, 386]

Главного чуда не произошло — Орфею не удастся речами и песнями воскресить прежнюю любовь. И это приводит влюбленного Орфея в отчаяние. От

безысходности он поворачивается, чтобы любимая увидела его, быть может, тогда удастся в ее душе пробудить то чувство пламенной любви, что составляло их счастье на земле. И его страстный порыв заканчивается безвозвратной потерей Эвридики:

–Так смотри! – И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.

–Эвридика! Эвридика! –

Стонут отзвуки теней [I, 387]

Со стороны Орфея этот порыв был продиктован и безграничной любовью к Эвридике, и отчаянным желанием пробудить в ней прежнее чувство. Таким образом, запрет был нарушен персонажем этого стихотворения не из-за опасения, что Эвридика, покорно идущая за ним, исчезнет. Нет, Орфея охватило отчаяние, оттого что она так и осталась тенью. Эвридика не помнит их прежней любви, и все его попытки вывести ее из Аида, теряют всякий смысл.

Итак, запрет нарушен «в момент перехода рокового порога», они расстаются навсегда, но не по вине Орфея, а от нежелания Эвридики пробудиться к земной жизни, требующей от человека мужества и деятельности.

Произведение, построенное на мифологическом материале, по утверждению А.Белого, имело и современный подтекст. Поэт – «аргонавт» в своей книге «Начало века» (точнее, в главе «Орфей, изводящий из ада») пишет о том,

что стихотворение Брюсова «Орфей и Эвридика» было отчасти создано и под впечатлением непростых отношений А. Белого и Н. Петровской. Приведем небольшую выдержку из этой книги: «Она (Н.Петровская – Н.А) вызвала меня и с плачем, с револьвером в руке, с ядом в шкапчике и с уплотнением «символов» до материальности требовала, чтобы из «ада извел»; и неспроста В.Брюсов, узнавши из слов ее о наших разговорах об «Эвридике» ..., - неспроста он потом в своем стихотворении об «Эвридике» об Н***, ей подставил слова:

Ты – ведешь, мне – быть покорной,

Я должна идти, должна...

Но на взорах – облак черный,

Черной смерти пелена» [1: 311-312].

В своих воспоминаниях автор мемуаров пишет о том, что, будучи в близких отношениях с Н.Петровской, он (Белый – Н.А.) вообразил себя Орфеем, спасающим «родственную душу» Эвридику – Нину Ивановну.

По словам А. Белого, его дружба с нуждающейся в «наставнике» Петровской, «переходящая в нежное сочувствие, питала» его «утопией о себе как о целителе ее души...» [1: 306]. Общаясь, по словам А.Белого, с не совсем психически здоровой Петровской, юный поэт «вообразил ... Орфеем себя, изводящим Эвридику из ада» [1: 309].

Позднее некоторые мысли, которые «Орфей» развивал перед Н. Петровской, найдут свое отражение в его статье «Песнь жизни» (1908): «Мы разучились летать...»; <...>, «мы начинаем песнь нашей жизни»; «души наши – невоскресшие Эвридики... Орфей зовет свою Эвридику» [1: 311].

Как пишет в своей мемуарной книге А.Белый, Петровская в прямом смысле восприняла себя Эвридикой – возлюбленной и подругой «целомудренного» поэта: «Она ж поняла мои мысли о жизненной песне так, что ощутил я удар в лоб, как палицею: Эвридика – она-де! Я ж - Орфей, выводящий из ада ее! И совсем не тем способом, каким замыслил...» [1:311].

Свои разговоры с Белым, как, впрочем, и с другими «спасателями», она «выдавала в искаженном виде своему очередному confidentу» [1:311], в частности В.Брюсову. Мы считаем, что в «мифологическом» произведении В.Брюсова под маской Орфея скрывался и автор стихотворения, и его антагонист А.Белый. Образы двух таких разных поэтов как будто сливаются в этом стихотворении, но впоследствии в творчестве лидера символизма они будут изображены как два идейных врага: злой дух скандинавской мифологии Локи и светлый бог Бальдр (Бальдер), Рупрехт и Генрих.

«Черный маг» В. Брюсов по своему стремился спасти Н.Петровскую, которая, может быть, против воли тяготела к inferнальному миру. В этом она и сама признавалась В.Брюсову: «Я правду говорила тебе, что люблю «ад». Конечно, это были полужутливые слова, над которыми мы улыбались. Но в них доля серьезной, глубокой правды. Я люблю тот подъем всех сил души и тела, тот огонь, сгорая в котором уходишь от мира и знаешь, что «все ненужно, что земное», то опьянение, когда перестаешь замечать, что ходишь по земле. <...> Но что ж мне делать, Валерий, если, выпив яд иного способа существов<ания>, я не могу вернуться назад?» [5: 122].

Да и по утверждению «благородного Бальдра», Петровская была «из всех «Эвридик невоскресших» - наименее воскресшая...» [1: 311] Отметим, что новый Орфей-Брюсов тоже не смог вывести свою Эвридику к «солнцу»: жизненный ад ее уже поглотил; впрочем, и никому другому не удалось ее спасти...

В 1903 году В.Брюсов создает стихотворение «Орфей». На этот раз его привлекает мифологический эпизод, связанный с гибелью поэта, растерзанного вакханками. На наш взгляд, брюсовский Орфей сознательно «провоцирует» менад, призывавших его к «радостям жизни», совершить убийство:

И лиру взял, исполнен веры,
Орфей среди безумных дев.
Он им поет о Евридике,
О страшных Орковых вратах...
Но песню заглушают крики...
Уж – камни в яростных руках.

И пал певец с улыбкой ясной [2: III, 281].

Напомним, что, пережив у выхода из подземного царства вторичную смерть жены, Орфей сделал еще одну попытку спуститься в Аид за любимой, но боги не позволили ему это сделать. Вероятно, для Орфея уход из жизни – это единственная надежда на скорую встречу с Эвридикой. Примечательно, что у Брюсова Орфей не расстается с лирой и на этот раз:

Но, не покинув лиры вещей,
Поэт, вручая свой обол,
Как прежде в Арго, в челн зло-
вещий,

Дыша надеждой, перешел [2: III, 281].

Можно предположить, что певец надеется не только встретиться с Эвридикой, но и предпринять новую попытку при помощи своих песен выбраться из царства мертвых, ибо велика магия искусства.

По версии Платона, боги наказали Орфея за то, «что он, как кифаред, слишком изнежен, если не отважился, как Алкестида, из-за любви умереть, а умудрился пробраться в Аид живым» [4: 337]. В «Орфее» Брюсов и показал любящего (в платоновском понимании) героя, способного ради любви добровольно пожертвовать своей жизнью.

Таким образом, в поэзии Брюсова Орфей прославляется и как великий певец, и как истинно любящий человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белый А.** Начало века. Воспоминания. В 3 кн. М., 1990. Кн. 2.
2. **Брюсов В.** Собрание сочинений: В 7 т. М., Худ. лит., 1971-1973. Т. I, III.
3. **Замаровский В.** Боги и герои античных сказаний: Словарь. М., 1994.
4. **Платон.** Пир // Платон. Избранные диалоги. М., 2002.
5. Петровская – Брюсову. 28 августа 1905 г. Москва // Брюсов Валерий, Петровская Нина. Переписка: 1904-1913. М., 2004.

ТЕЛЕСНЫЙ КОД В ЛИТЕРАТУРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ

Г.Г. ИСАЕВ

Астраханский ГУ

К проблеме телесности первыми в начале 1970-х годов обратились философы и психологи. Ими к настоящему времени разработано множество концепций тела и телесности [11], которые и составляют методологическую базу при исследовании телесности в литературоведческом аспекте. С.Н. Плотникова отмечает: «В современных когнитивных теориях роль тела в познании считается ведущей. Общепринятыми постулатами являются положения о телесности разума и сознания, о преимущественно метафорическом характере мышления и о зависимости структуры метафорического мышления от особенностей человеческого тела» [9: 69]. Тело понимается как первооснова сущностных сил человека, детерминирующей стиль, качество и иные составляющие его жизни. «Чистый» акт мысли невозможен, «так как за разными типами мышления скрываются определенные типы чувственности. Телесность предстает в неклассической философии XX-XXI века как органическая и аподиктическая наличность чувственности в структуре мышления, без которой последнее невозможно. И потому, как утверждает Р.Барт, телесность – это материя, «ткань» мысли» [6].

Отсюда ряд важных последствий для литературоведения: когнитивная деятельность по созданию литературно-художественного текста неразрывно связана с фактором телесности, детерминированность духовного, душевного склада писателя его телесной конституцией, манифестирование текстом телесных свойств, «говoreние» тела человека через речь. Телесность – вещественный носитель духовности, интенциональностью обладает не только сознание, но и тело. Телесность, утверждал еще Гегель, свойственна почти всем проявлениям писательского духа. Поэтому «можно говорить о телесности голоса, об индивидуальной тотальности и всепроникающей силе души, о телесности смеха как согласии субъекта с самим собой, о телесности боли как разорванности ощущающего субъекта» [5: 49]. По современным представлениям, «мыслит человек не только мозгом, чувствует не только сознанием, он мыслит и чувствует всем своим телом» [5: 49]. Имея определенную телесную организацию, писатель может креативно-когнитивным и телесным образом осваивать мир. Когнитивная структура текста сложно организована: «в ней переплетены уровень чувств и уровень

рационального мышления, вербальное и образное, логика и интуиция, аналитические и синтетические способности восприятия и мышления, архаическое и авангардистское» [5: 49].

Исследователи отмечают, что модернистский литературный дискурс начала XX века особенно внимателен к знакам телесности: «футуристы акцентируют материально-телесную плотность бытия, что приводит к концепции «демонически опредмеченного» тела; в символистской парадигме тело, напротив, «выхолащивается», акмеисты же «гармонически» снимают эту оппозицию, сосредоточиваясь на «телесной» (культурной) объективации духа» [14: 202]. Имажинисты, генетически связанные с футуризмом, отходили от крайностей его концепции и сближались в понимании телесности с акмеистами. Телесность в их литературных текстах объективируется в рельефности текста и коммуникативной связи плотских метафор и метонимий. Как отмечает А. Старовойтов, «понятие рельефности текста непосредственно связано с ощущением ритма, заложенного в структуру текста. Данный ритм диктуется процессом возникновения цепочки авторских значений, последовательность которых непосредственно связано с личностными особенностями автора, которые формируют в свою очередь авторский стиль повествования» [12]. Соматические метафоры и метонимии, встре-

чающиеся в тексте, выступают в качестве объективированного и запечатленного в описательной форме «психосоматического симптома». «Смена литературного стиля ощущается как смена ритма, а состояние литературы того или иного времени интерпретируется как состояние некоего одушевленного существа» [12]. Особенное значение приобретает авторская позиция, с которой ведется повествование. Через композиционную структуру она передает определенный ритм переживаний, благодаря чему возникает так называемый сюжет переживаний, который обычно подчинен искажающему влиянию чувств.

Основное свойство телесности – «соединение отвлеченной» мысли со своей «телесной опорой», создание художником собственной идеальной вселенной во плоти» [16: 72] – постоянно присутствует в любом литературно-художественном дискурсе, в котором она становится одним из основных изобразительно-выразительных средств.

Необходимость изучения проблемы телесности в литературно-художественном дискурсе ныне признается всеми литературоведами, поскольку это «позволяет по-новому интерпретировать некоторые вопросы и художественной картины мира писателя и его поэтики» [10, 12]. Е.Д. Полторабатько следующим образом определяет актуальность исследования категории

словесности в литературе: «категория телесности является важнейшей при анализе мира художественного произведения, ибо любой поэтический мир, являясь по своей природе двусоставным, предполагает человека и предметность окружающей его реальности», особенно значимой категория телесности оказывается в лирике, «ибо этот род литературы не предполагает развернутых психологических описаний, поэтому внутренние состояния, как правило, могут выражаться метонимически, через ряд конкретных «телесных» деталей», особую роль телесность играет в поэзии модернизма и авангардизма, «поскольку эстетическая установка, например, акмеизма и имажинизма связана «с поэтическим воплощением бытия в его вещности, а человека – в его конкретной телесности» [10, 13].

В литературоведческих исследованиях, посвященных проблеме телесности («Тело в русской культуре. Сборник статей» [13], материалы конференции в Сорбонне «Тело в русской и иных культурах» (2002), материалы специального номера австрийского журнала «*Wienerslavistischer Almanach*» [2], диссертационные исследования Е.Д. Полторабатько [10], Е.А. Завершинской [3], М.А. Куличихиной [7], М.В. Остро

[8], статьи Е.Р. Авиловой, Г.Г. Исаева [4], А.П. Ураковой [15]) обычно ставится цель: выявить сущностные особенности категории телесности в художественном дискурсе как важнейшего компонента писательской онтологии и поэтики. Цель определяет задачи: реконструкция системных отношений категории телесности с другими миромоделирующими категориями картины мира (душа, вещь, слово и т.д.) [10]; определение семантической функции категории телесности на уровне топики, тропообразования и системы образов; выявление социокультурных и мифопоэтических оснований категории телесности в дискурсе; установление отношения категории телесности с общим пространственным универсумом произведения; выявление ключевых образов и мотивов с телесной семантикой, определение их миромоделирующей и антропологической функций [10].

Определилась методика анализа проявлений телесности в художественном тексте. Обычно оказываются задействованными традиционные литературоведческие методы: системно-типологический, структурно-семиотический и мифопоэтический. С их помощью «исследуются формально-семантические механизмы воплощения категории телесности на уровне поэтики» [10:4].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Авилова Е.Р.** Телесный код в поэзии русского авангарда (на примере творчества поэтов-футуристов) // Режим доступа: [www.rusnauka.com/16_PRT_2012/Philologia/ 8_111852.doc.htm](http://www.rusnauka.com/16_PRT_2012/Philologia/8_111852.doc.htm). - Дата обращения: 02.07.2013.
2. *Wienslavistischer Almanach*, 2005. В. 54.
3. **Завершинская Е.А.** Словесный и телесный дискурсы в романах Г.Флобера «Мадам Бовари» и Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Автореферат диссер... кандидата филологических наук. Тверь, 2011.
4. **Исаев Г.Г.** Категория телесности в художественном дискурсе имажинистов // Гуманитарные исследования, 2013, № 2.
5. **Князева Е.** Телесная природа сознания // Телесность как эпистемиологический феномен. М.: ИФРАН, 2009.
6. **Косяк В.А.** Имплицитная базисность телесности // Режим доступа: www.info-library.com.ua/books-text-11663.html. - Дата обращения: 02.07.2013.
7. **Куличихина М.А.** Тело и телесность в немецком романтизме: концепции и образы // Автореферат диссер... кандидата филологических наук. М., 2012;
8. **Острый М.В.** Проблема телесности в западном искусстве XX века: онтологический аспект // Автореферат диссер... кандидата философских наук. М., 2007.
9. **Плотникова С.Н.** Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и сознание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006.
10. **Полторабатько Е.Д.** Категория телесности в акмеистическом дискурсе // Автореферат диссер... кандидата филологических наук. М., 2009.
11. **Подорога В.** Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995.
12. **Старовойтов А.** Обнаружение телесности // Режим доступа: psy-trening.com/st13.php. -Дата обращения: 02.07.2013.
13. Тело в русской культуре. Сборник статей / Составители Г.И.Кабакова и Ф.Конт/ Часть 1 // Режим доступа: www.fedy-diary.ru/html/112010/11112010-03a.html. -Дата обращения: 02.07.2013.
14. **Темиришина О.Р.** Концепция телесности в творчестве К.Вагинова // Художественный текст и культура. У. Материалы международной научной конференции 2-4 октября 2003 г. Владимир: ВГПУ, 2004.
15. **Уракова А.П.** Поэтика тела в рассказах Эдгара Алана По. М., 2009.
16. История русской литературы XX века. Первая половина: Учебник для вузов: В 2 кн. – Кн. 1: Общие вопросы / Под ред. Л.П. Егоровой. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004.

КНИГА СТИХОВ А.И. ТИНЯКОВА «NAVIS NIGRA» В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ

Е.А. КАЗЕЕВА
МОРДОВСКИЙ ГУ им. Н.П. Огарева

В сентябре 2012 года исполнилось сто лет со дня выхода в свет книги стихов А.И. Тинякова (Одинокого) «Navis nigra». После дебюта на страницах провинциальных изданий (гимназический рукописный журнал «Школьные досуги», газета «Орловский вестник») поэт получает возможность публиковаться в столичных журналах и альманахах («Гриф», «Золотое руно», «Аполлон», «Перевал»). А.И. Тиняков, мечтая о литературной известности, отдает много времени и сил работе над своей первой книгой стихов. Данный факт иронически освещается в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича: «Он (А.И. Тиняков – Е.К.) стал готовить первую книжку своих стихов, и чем больше по виду смиренничал, тем жгучее в нем разгоралась надежда, что с выходом книги судьба его разом, по волшебству изменится: из рядовых начинающих стихотворцев попадет он в число прославленных» [18, с. 9–10]. В связи с этим особую важность для Одинокого, ожидавшего официального признания своих литературных заслуг, представлял вопрос о критических отзывах на книгу

«Navis nigra». Справедливость нашего наблюдения подтверждается записями, сделанными в рукописной тетради поэта. В ней, в разделе «Мои печатные произведения», перечислены в хронологической последовательности опубликованные на тот момент прозаические и стихотворные тексты А.И. Тинякова. В конце данного списка без порядкового номера указано название «Navis nigra», сопровождаемое перечнем десяти критических отзывов на нее. Несомненно, Одинокий ожидал получить значительно большее количество отзывов: в тетради указано тридцать два пункта, из которых двадцать два оказались незаполненными. Приведем данный список полностью:

«Navis nigra». Книга стихов 1905–1912 гг. К-во «Гриф». М., 1912. 95 стр. 75 к. (75 стих.). Вышла 19-го сентября 1912.

Отзывы.

- 1) Сергея Городецкого. «Речь», 5 ноября 1912, № 304 (2258).
- 2) М. Чунослова «Новое слово», 1912 г., № 12, стр. 155–156-я.
- 3) «Изв. кн. маг. т-ва Вольф», 1912, № 12, стр. 187-я (без подписи).

4) «Илл. обзор.» (при «Голосе Москвы») 1912, № 255.

5) Вл. Ходасевича «Утро России», 1912, № 271.

6) В. Гиппиуса «Новый журнал для всех», 1912, № 12.

7) Н. Гумилева «Аполлон», 1912, № 10, стр. 75-я.

8) Н. Мешкова «Путь», 1913 г., № 1, стр. 53–55-я.

9) Л. Войтоловского «Парнасский Трофей». «Киевская мысль», 1913 янв.

10) Эр. Печерского «Палач». «Ранн. Утро», 1913, 9 янв. № 7 (фельетон) [15, л. 59].

В документе «Отрывки из моей биографии» А.И. Тиняков предпринял попытку систематизировать все отзывы. Им особо выделены одобрительные отклики писателей старшего поколения (К.Д. Бальмонта и И.И. Ясинского), резкие отзывы современников, все-таки заметивших талантливость книги (С.М. Городецкого, Н.С. Гумилева), и разгромная рецензия Н. Мешкова [16, с. 14–15].

Отметим, что, несмотря на вновь возникший в отечественном литературоведении интерес к личности и творчеству Одинокого, вопрос о критических отзывах, сопровождавших его дебютную книгу, оказывается, за редким исключением, в стороне от внимания исследователей. Так, М.П. Лепехин, автор статьи о А.И. Тинякове в биобиб-

лиографическом словаре «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги» пишет: «Несмотря на то, что сборник получил около десятка в целом благоприятных для Тинякова рецензий (в т.ч. В.Ф. Ходасевича, К.Д. Бальмонта, С.М. Городецкого, В.В. Гиппиуса), Тиняков ожидал большего» [11, с. 494]. Данная оценка перекликается с воспоминаниями В.Ф. Ходасевича, отметившего в свое время нейтральное отношение критики к книге Одинокого: «Ее («Navis nigra» – Е.К.) встретили так, как должны были встретить: умеренными похвалами, умеренными укорами» [18, с. 10]. Свое объяснение подобной ситуации предлагает Н.А. Богомолов. По его мнению, А.И. Тиняков «/.../ сильно задержался с выпуском первой книги (она должна была появиться не в 1912, а в 1908–1909 гг. вместе с «Сетями» Кузмина, «Молодостью» Ходасевича или «Поздним утром» Садовского, и тогда пришлось бы вовремя), и его время давно прошло» [2, с. 5]. В литературу, утверждает исследователь, входило новое поколение поэтов (А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев, М.А. Зенкевич, Г.В. Иванов), «для которого Тиняков просто-напросто не существовал. Снисходительно похвалили некоторые, не заметили мэтры, произдевались те, кому Тиняков считал себя по крайней мере

равным...» [2, с. 6]. Именно это обстоятельство, по мысли Н.А. Богомолова, определило судьбу Одинокого и привело к тому, что он оказался «второстепенным графоманом» [2, с. 6]. Точка зрения ученого подтверждается записями самого А.И. Тинякова: «/.../ в публике моя книга успеха не имела, и мне никогда не дано было изведать тех сладостных и упоительных (пусть хоть мимолетных!) – радостей, которые выпали на долю С. Городецкого, потом – Игоря Северянина, еще позже – Есенина и которые теперь каждый день выпадают на долю самых бездарных и безмозглых бумагомарак» [16, с. 15]. В данной статье предлагается обзор рецензий и фельетонов, посвященных книге стихов Одинокого «Navis nigra». Материалы, указанные в составленном поэтом перечне и в документе «Отрывки из моей биографии», дают возможность определить место поэта в литературном процессе 1910-х годов, осмыслить специфику его дарования, рассмотреть проблематику и художественные особенности первой книги стихов Одинокого.

В авторитетном журнале «Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф» без подписи была опубликована самая короткая рецензия на книгу Одинокого. Вниманию читателей

представлена скорее аннотация, помогающая им сориентироваться в выборе, констатирующая особенности предлагаемого их вниманию произведения. Составитель, мало знакомый с творчеством А.И. Тинякова, настоятельно рекомендует «Navis nigra» широкой публике: «Этот сборник почти неизвестного поэта безусловно достоин серьезного внимания со стороны любителей современной поэзии» [13, с. 187]. Не желая делать акцент на эпатажных произведениях, вошедших в состав книги («пьесках грубо-эротического характера» [13, с. 187]), критик считает необходимым обратить внимание читателей на «массу стихотворений, стройных, сильных, изящных и звучных» [13, с. 187]. На их фоне, по его мнению, особенно выделяются произведения «Человечество», «Утопленник», «У дантистки», «Поздний грач». Полагаем, что лаконичность данного отзыва, отказ его составителя от разбора поэтических недочетов книги свидетельствует прежде всего о рекламном характере публикации, о намерении издательства выгодно продать книгу молодого поэта.

Одна из немногих положительных рецензий на книгу Одинокого принадлежит писателю, переводчику, журналисту, стороннику концепции «чистого искусства» М. Чуносову

(И.И. Ясинскому). Она была опубликована в журнале «Новое слово», который И.И. Ясинский на тот момент редактировал. Давая отрицательную оценку современной ему поэтической ситуации в целом («безграмотность», «плоскость», «пошлость»), критик полагает, что разбираемое им произведение наполнено «истинной поэзией» [20, с. 155]. М. Чуносков обращает внимание читателей на особенности художественного мастерства А.И. Тинякова: «Стих его легок, красив, рифма почти никогда не притянута за волосы (хотя есть исключения), и, несмотря на то, что муза поэта иногда вдруг разнуздывается, в общем она отличается большою нежностью, кристальным голосом и прекрасными формами» [20, с. 155]. Критик особо выделяет такие «превосходные» стихотворения поэта, как «Идиллия», «Май», «Корни и цветы» (приведено в рецензии полностью как пример совершенной поэтической техники Одинокого), «Под игом надежды», «Свет целования», а также, за исключением последней строфы, поэма «Разлука». Главный недостаток рецензируемой книги, по мнению М. Чуноскова, – включение в ее состав ряда скандальных произведений: «ужасных» «Цветочков с пустыря», «Во имя свободы вечной», «В час разлуки». Цитируя фрагмент из

последнего стихотворения, критик сопровождает его оригинальным комментарием: «Конечно, поэт откровенен, но в книге, где столько хороших стихов, странно находить признания в любви мужчины к мужчине» [20, с. 155]. По мысли И.И. Ясинского, подобная трактовка человеческой любви оказала влияние на «трепетную и милую» поэму «Разлука». Приводя обширную цитату, критик делает вывод, что А.И. Тиняков здесь демонстрирует отвращение к традиционной форме любви: «Оно ко всем змеям шипящей / Вползает в мозг, и в грудь, и в кровь, / А это чувство – труп смердящий, / Паук безжалостный – любовь!» [20, с. 155]. Таким образом, в рамках небольшой рецензии содержится, с одной стороны, безусловное одобрение сборника Одинокого, но, с другой стороны, критика скандальных, выходящих за рамки традиции, мотивов его дебютной книги.

В составленном А.И. Тиняковым перечне критических материалов отсутствует опубликованная в газете «Утро России» благоприятная рецензия К.Д. Бальмонта «Молодой талант». Отметим, что ее автор не только проводит анализ появившейся почти год назад книги молодого автора, но дает общую оценку современной ему поэзии. Один из зачинателей русского симво-

лизма, «признанный на рубеже столетий первым поэтом времени» [10, с. 933] К.Д. Бальмонт, несмотря на начинающийся творческий упадок, все еще обладал несомненным авторитетом. Об этом свидетельствует упоминание рецензента о многочисленных просьбах молодых поэтов откликнуться на их книги. В связи с этим их сборники, как правило, сопровождались показательными надписями: «Единственному гению», «Солнцу русской поэзии», «Милому Бальмонту» [1, с. 5]. Интерес автора статьи к современной ему лирике выражается и в том, что он не упускает случая просмотреть случайно увиденную им новую книгу. В целом, оценка рецензентом творчества большинства начинающих поэтов невысока: «Какие они, в большинстве случаев, неинтересные, неоригинальные, тупо-надменные, словоохотливые, малоталантливые» [1, с. 5]. На общем фоне, по его мнению, выделяются лишь произведения И. Эренбурга и М. Цветаевой, которые объединяют «поэтическая нежность, меткость стиха, интимность настроения» [1, с. 5]. Неодобрительно К.Д. Бальмонт относится к молодым подражателям В.Я. Брюсова, не принимая, в первую очередь, их нарочитую установку на эксперимент: «произведения же тех новейших стихотворцев, которые,

логически доводя до краткого совершенства знаменитое однострочие своего учителя, поэтически изъясняются в одной букве, и сочиняют стихотворения, состоящие из одного весьма выразительного «Ю», суть не более как умышленная изломанность людей, которые, не имея таланта, уповают на возможность достижений через простое применение метода: «Наоборот»» [1, с. 5]. На подобном не вызывающем оптимизма фоне выделяется небольшая книга А.И. Тинякова, удивившая рецензента. Он делает попытку объяснить свой искренний интерес к «*Navis nigra*»: «Чувствуется, что созерцательная душа, одаренная тонкой впечатлительностью, была захвачена, сполна, различными острями, и потому поэт по-своему промыслив до конца пережитые чувства, дал им верное выражение, влекущее, как голос, в котором слышится настоящая взволнованность, или уверенность человека, видевшего что-то воочию» [1, с. 5]. К.Д. Бальмонт, говоря о несомненной талантливости молодого автора, стремится раскрыть читателям специфику его дарования: «Сильный стих и в то же время нежный, своеобразие настроений, умение овладеть самой трудной темой, которой может задаться лирический поэт» [1, с. 5]. В качестве примеров приводятся фрагменты из стихот-

ворений «Погребение любви», «Идиллия», «В ночном кафе», «Morituri», включенные в разделы «Тропинкою любви» и «Morituri». «Изысканный вкус и интимное прикосновение к поэтическим замыслам» [1, с. 5] критик видит в стихотворениях «Любовь-нищенка» (в статье неверное написание – «Любовь Нищенки»), «Ревность лешего», «Вьюжные бабочки» (в статье неверное написание – «Вьюжная бабочка»), «Свет целования». Особого внимания заслуживает упоминание К.Д. Бальмонтом нескольких хорошо написанных, но вызывающих отвращение у читателя стихотворений «Плевочек», «Молитва гада», «Кость», вошедших в самый скандальный раздел книги «Navis nigra» – «Цветочки с пустыря». Включение в сборник подобных текстов дает возможность критику поразмышлять о феномене творческой свободы: «Власть лирического поэта – власть монархическая. Ограничивать поэта в его правах выбирать ту или иную тему – так же нелепо, как посягать на живопись, изображающую грязь, лохмотья, язвы и безобразия» [1, с. 5]. Любая тема, даже самая рискованная, заслуживает внимания, если «внести в разработку ее всю священную полноту отношения, безусловное рукоположение художнической искренности» [1, с. 5]. В конце своей рецензии К.Д. Бальмонт указывает

на недостатки книги, характерные для начинающего поэта: «преувеличение отдельных настроений, совершенно слабые страницы наряду с сильными, частичная подражательность» [1, с. 5]. По мнению рецензента, в дебютной книге А.И. Тинякова присутствуют элементы импрессионистичности, составившей основу дарования самого К.Д. Бальмонта.

Несомненная талантливость Одинокого, подтверждаемая, в первую очередь, публикациями его стихотворений в лучших модернистских журналах, признается участниками первого «Цеха поэтов». Неоднократно упоминая об умелом владении А. И. Тиняковым секретами поэтического ремесла, С.М. Городецкий [6], Н.С. Гумилев [7], В.В. Гиппиус [5] не разделяют увлечения Одинокого декадентскими темами. Особое их возмущение вызывает раздел «Цветочки с пустыря», вобравший в себя самые скандальные стихотворения поэта. Причина подобного отторжения кроется в несходстве эстетических позиций рецензентов и автора «Navis nigra». Общеизвестно, что С.М. Городецкий и Н.С. Гумилев вошли в историю отечественной литературы как теоретики акмеизма, переосмыслившие символистскую эстетику, ряд положений которой продолжал оставаться актуальным для Одинокого. Кроме того, именно

участники первого «Цеха поэтов» обратили внимание на сильную зависимость творческой манеры А.И. Тинякова от В.Я. Брюсова, упрекая автора «*Navis nigra*» в недостатке лиризма [см. подробнее: 8].

Лаконичная рецензия В.Ф. Ходасевича, в отличие от статей акмеистов, более благожелательна. В ней критик оспаривает высказанное Н.С. Гумилевым и В.В. Гиппиусом мнение о неспособности А.И. Тинякова разрабатывать собственно лирические темы. Напротив, он полагает, что главным достоинством «*Navis nigra*» является «подлинный лиризм автора» [17, с. 6]. Именно искренность переживаний Одинокого, по мысли рецензента, выгодно выделяет его книгу на фоне современной поэзии: «Можно сочувственно или враждебно относиться к идеям г. Тинякова, но нельзя не признать, что он никогда не опускается до холодного выдумывания стихов, до писания ради писания, до стихотворного жонглерства, получившего столь широкое распространение в последние годы» [17, с. 6]. Среди лучших произведений, вошедших в состав сборника, В.Ф. Ходасевич называет стихотворения «Идиллия», «1-я песенка о Беккине», «Вьюжные бабочки». Несмотря на «довольно приятное впечатление» [17, с. 6], которое «*Navis nigra*» производит на

критика, он считает необходимым высказать ряд замечаний. Главным недостатком рецензируемой книги является очевидная зависимость А.И. Тинякова от В.Я. Брюсова. Кроме того, В.Ф. Ходасевич с иронией упоминает о многом наивном демонизме автора, показательном для раннего символизма, но уже неуместном в литературе 1910-х годов. Анализируя поэтическую технику Одинокого, рецензент указывает на жесткость, отрывистость и немзыкальность его стиха, отмечая в то же время то, что «/.../ в нем чувствуется серьезная работа, которая /.../ со временем даст хорошие результаты» [17, с. 6]. Одним из худших мест книги критик считает «псевдоученые примечания» [17, с. 6], которыми сопровождаются некоторые стихотворения (речь идет, скорее всего, о таких текстах, как «*Aconitum napellus*», «Миктлантектли», «Реканати», «Тукультипалешарра I (Царь Ассирии около 1130 г. до Р. Х.)» – Е.К.). Думается, что в целом благожелательный тон данной рецензии можно объяснить «литературной дружбой и приятельством» [9], связывавших А.И. Тинякова и В.Ф. Ходасевича, свидетельством чего служат семь сохранившихся писем критика. Первое и второе письма, содержащие уроки поэтического мастерства, были даны Одинокому автором рецензии на

материале ряда стихотворений, впоследствии вошедших в книгу «Navis nigra». Укажем также на то обстоятельство, что в 1914 году анализируемая нами рецензия вошла в состав обзора В.Ф. Ходасевича «Русская поэзия», опубликованного в альманахе «Альциона». В нем выражена надежда на то, что А.И. Тиняков, в конце концов, обретет поэтическую самостоятельность: «/.../ даже оставшись учеником Брюсова, он (Одинокий – Е.К.) когда-нибудь перестанет подражать ему слепо» [19, с. 417].

Дебютная книга стихов А.И. Тинякова привлекла внимание критика, публициста, литературоведа Л.Н. Войтоловского, уделившего ей значительное место в своем обзоре «Парнассские трофеи» (в списке Одинокого опечатка – «Парнассский Трофей»). В начале статьи критик считает нужным сообщить читателям, что, составляя новогодний обзор вышедших в 1912 году книг, он сделал не совсем точные выводы: «/.../ за вычетом стихотворений Вяч. Иванова, Брюсова, Мих. Кузмина и С. Городецкого – это сплошь одно неудачное, бесхарактерное и тоскливое баюшки-баю» [3, с. 2]. Однако после более позднего знакомства со сборниками стихов Р. Л-ц «Мои песни», А. Тинякова «Navis nigra», Мих. Левина «Juvenilia», Л. Войтоловский, принося извинения авторам

и читателям, отказывается от ранее сделанных выводов. Данное обстоятельство побуждает критика обратиться к анализу указанных книг. Стихотворения А.И. Тинякова, составившие рецензируемый сборник, представляются автору обзора более зрелыми и завершенными, по сравнению с текстами, вошедшими в книгу Р. Л-ца «Мои песни». Л. Войтоловский отмечает высокий уровень поэтической техники Одинокого: «Чувствуется влияние лучших мастеров не только русской, но также иностранной литературы» [3, с. 2]. Тем не менее, рецензент полагает, что произведениям А.И. Тинякова не хватает простоты и сердечности, поскольку они почти полностью лишены эмоционального начала: «Тут есть поэзия, но она как-то быстро улечивается и оставляет за собою слова и строчки. Последние – красивые, искусно выточены, и многие даже примут эти слова за наличную поэтическую монету. Но только в редких случаях слова эти доходят до сердца. По большей части под этим «хорошо сшитым фракком» прячутся тощие и довольно прохладные чувства» [3, с. 2]. Эта обширная цитата служит неким объяснением названия статьи Л.Н. Войтоловского: рецензент здесь напоминает читателю о французском объединении «Парнас», членов которого часто называли «стилистами» и «фор-

малистами», упрекали в тщательной работе над стилем в ущерб подлинным чувствам, которые должно выражать лирическое стихотворение. Кроме того, критик, перечисляя объекты поэтического внимания А.И. Тинякова – мировая скорбь, проклятья жизни и любви, воспевание смерти («Меж чувств людских, покрытых пылью...», «Плевочек»), – говорит о многочисленных декадентских шаблонах. Также Л. Войтоловский с сожалением отмечает следы экзотики в книге, проявившиеся, прежде всего, на лексическом уровне – канкан, похоть, фавны, лешие. Цитируя первый катрен тиняковского стихотворения «Ревность лешего», критик иронически замечает, что лирический герой Одинокого говорит «языком сотрудников «Аполлона»» [3, с. 2]. Наряду со скандальными текстами, по мысли рецензента, в анализируемой им книге стихов присутствуют и «образцы прекрасной лирической поэзии», среди которых «Осенняя мелодия», «Умиряющее небо», «В золотые саваны деревья облеклись». Однако светлое чувство, вызываемое в душе читателя данными стихотворениями, по мнению автора обзора, недолговечно: «Тихие чары его поэзии легко улетучиваются и под флагом последней он провозит на своем «Черном корабле» всякие

точечные безделушки вроде «Влюбленного скелета» (стр. 82), «Тукультипалешарра» (стр. 72), «Миктлантекутли» (стр. 67) и т.п.» [3, с. 2]. Главный недостаток книги «Navis nigra», как полагает Л.Н. Войтоловский, заключается в отсутствии простоты. Цитируя фрагмент стихотворения «Зависть поэта», рецензент приходит к выводу, что таково мнение и самого А.И. Тинякова. Стремление к нарочитой изысканности превращает книгу талантливого молодого автора в «парнасский трофей».

Один из первых отрицательных отзывов на книгу «Navis nigra» принадлежит В. Д-цеву. Уже начальное предложение рецензии «Вот и еще один букет, собранный в «садах футуриста» [4, с.6] содержит негативную оценку творчества Одинокого. Во-первых, давая общую характеристику «Navis nigra», критик иронически употребляет словосочетание «сады футуриста». Как известно, так назывались вышедшие весной 1912 года брошюры И.В. Северянина «Качалка грезэрки... Сады футуриста. Кн. 1» и «Очам твоей души... Сады футуриста. Кн. 2». Во-вторых, недовольство рецензента вызывают часто встречающиеся в книге А.И. Тинякова «мудреные термины» [4, с. 6], требующие особых пояснений. Отметим, что речь идет о таких мифологических

именах и реалиях, как «Коцит», «асфодели», «Миктлантекутли», «Тукультипалешарра». В-третьих, В. Д-цев обильно цитирует ряд стихотворений («Самоубийца», «Плевочек», «Молитва гада»), которые иронично называет «неблагоухающими цветами» [4, с. 6]. Интересен тот факт, что некоторые тексты Одинокого, высоко оцененные критикой (например, «Осенняя литургия»), вызывают раздражение В. Д-цева. Так, одно из лучших произведений книги – лирическая поэма «Разлука», по мнению рецензента, «представляет сплошную порнографию» [4, с. 6]. В заключение критик, уничижительно называя произведения А.И. Тинякова «изданиями», призывает самого читателя дать им соответствующую оценку.

Сильное впечатление на Одинокого произвела рецензия Н.М. Мешкова, опубликованная в журнале «Путь». Об этом имеются сведения в «Отрывках из моей биографии»: «Единственный, кто выругал меня безусловно, это – бездарный и завистливый московский стихотворец Н. Мешков (журн. «Путь», 1913 г., № 1)» [16, с. 14]. В его статье «*Navis nigra*» анализируется наряду с произведениями С. Алякринского, В. Нарбута, Я. Година, С. Д. Дрожжина. Текст рецензии наполнен уничижительными характеристиками книги – «модерн

дурного тона» [12, с. 53], «черные стихи» [12, с. 55], «неприятные стихотворения» [12, с. 53], «гнетущая книга» [12, с. 53]. Даже немногим положительным чертам, привлекающим внимание рецензента – хорошему владению стихотворной техникой и ученичеству у В.Я. Брюсова, дается негативная оценка: «некоторое мастерство формы и более тонкое умение рабски копировать Валерия Брюсова» [12, с. 53]. Н.М. Мешков, как и многие его предшественники, полагает, что «*Navis nigra*» вышла в свет с большим опозданием: «/.../ то, что было бы уместно в эпоху альманахов Грифа и крайнего декадентства, совсем ненужно, смешно и неприятно теперь» [12, с. 53]. Включая в рецензию в качестве примера стихотворение «Во имя свободы вечной», представляющее собой монолог палача, автор статьи приходит к выводу, что отличительной чертой большинства произведений Одинокого является «печать не то вырождения, не то какой-то отвратительной нарочитости» [12, с.53]. Скандальный цикл «Цветочки с пустыря», а особенно стихотворение «Молитва гада», дают возможность Н.М. Мешкову усомниться в психическом здоровье А.И. Тинякова. Особый интерес представляет попытка критика сопоставить данный раздел «*Navis nigra*» с бодлеров-

скими «Цветами зла». Рецензент полагает, что, несмотря на наличие некоторых общих тем и мотивов («падаль, кишашая червями, плевки-плевочки, окурки, брошенные в грязную канаву, обглоданная кость, скользкая жаба на разлагающемся трупе»), А.И. Тинякову так и не удается подняться до гениального Ш. Бодлера, поскольку «художественная трактовка всех этих тем не пошла дальше обычной плоской банальности» [12, с. 54]. Приведенное сопоставление позволяет Н.М. Мешкову выделить главную особенность дебютной книги стихов Одинокого – «стремление к опоганиванию всего чистого, светлого и невинного» [12, с. 54]. На общем отрицательном фоне «*Navis nigra*», по мысли критика, выделяется лирическая поэма «Разлука», в которой «попадают» места совсем недурные и по своему тону необычные для г. Одинокого» [12, с. 55]. Желая пояснить свою мысль, Н.М. Мешков цитирует ее три строфы, содержащие описание весеннего пейзажа. Скорее всего, резкость высказанных оценок объясняется тем обстоятельством, что эстетические пристрастия Н.М. Мешкова были связаны с реалистическим направлением, поскольку он был создателем пейзажной лирики классического типа («Ранняя весна», «Погост»).

Закрывает ряд отрицательных отзывов на книгу «*Navis nigra*» фельетон известного журналиста Эр. Печерского «Палач (Из случайных встреч)». Отличительной особенностью данного текста является ярко выраженный мемуарный характер, представляющий особую ценность для исследователей творчества А.И. Тинякова. В первом разделе статьи рецензент рассказывает о событиях 10–11-летней давности, когда он, будучи сотрудником газеты «Орловский вестник», первый раз встретился с начинающим поэтом. Одинокий сразу же вызвал интерес у Эр. Печерского своей необычной внешностью и поведением: «какой-то странный юноша», «необыкновенная фигурка», «мальчик с очень длинными волосами, в гимназическом пальто и фуражке, но без герба. В руках у него была толстая палка, а на плечах – котомка с плащом и прочими атрибутами путешественника» [14, с. 2]. «Странный костюм» посетителя становится поводом для беседы, из которой фельетонист узнает, что А.И. Тиняков – уроженец Орла, воспитанник местной гимназии, которую, впрочем, собирается бросить. Прослушав его стихи, Эр. Печерский приходит к выводу, что «юноша заболел тогда еще новой болезнью, называвшейся декадентством» [14, с. 2]. Он подтверждается самим молодым

поэтом, отказывающимся от чтения классики (в первую очередь, произведений И.С. Тургенева), зато преклоняющегося перед авторитетом К.Д. Бальмонта. Автор статьи сообщает читателям, что «странный юноша» отверг его совет окончить гимназию и выразил желание отправиться по стопам своего кумира. Все вышесказанное позволило Эр. Печерскому придти к следующему выводу: «Мне стало искренне жаль моего странного посетителя: тогда я впервые еще видел мальчика, зараженного Бальмонтом. И зараженного, очевидно, без всякой надежды на выздоровление» [14, с. 2]. Второй раздел фельетона представляет собой собственно рецензию на дебютную книгу А.И. Тинякова. Журналист сообщает о том, что вскоре после необычной встречи он уехал из Орла и почти забыл о молодом декаденте. Но совсем недавно он увидел выпущенную издательством «Гриф» книгу «Navis nigra» и начал ее читать, желая узнать, чего достиг его странный посетитель. Первое радостное впечатление («Человек нашел себя!») сменилось после знакомства с открытым наугад стихотворением чувством отвращения и негодования. Речь идет об уже упоминавшемся нами тексте «Во имя свободы вечной», опираясь на который, автор фельетона дает характеристику А.И. Тинякову,

сознательно отождествляя его с героем-палачом. Нарочито грубо Эр. Печерский пытается выявить причины, приведшие Одинокого к этой позорной профессии: «стихотворений нового «поэта» не печатали; надо было жить; работать он неспособен, а в это время случайно прочел где-нибудь: – Ищут палача... Плата сдельно: по 75 руб. за штуку... Вот человек и пошел...» [14, с. 2]. Однако, прочитав стихотворение до конца, фельетонист делает вывод, что палачом А.И. Тиняков стал «по ... влечению сердца... По призванию...» [14, с. 2]. Фельетонист, не считая себя неискушенным в мире новейшей поэзии («декадентских» гнусностей), все же признает, что стихотворение «Во имя свободы вечной» можно сопоставить лишь с фактами, описанными в работах немецкого психиатра Рихарда фон Краф-Эббинга: «/.../ этого Крафта Эббинга перекладывают на стихи и преподносят читателю в качестве «русской поэзии»» [14, с. 2]. Кроме того, данный текст позволяет автору фельетона вспомнить рассказ его знакомого, присяжного поверенного, о судебном процессе некоего Сергея Мартьянова, обвиняемого в убийстве своего отца. Это приводит рецензента к мысли о том, что «по душевному складу Сергей Мартьянов и Александр Тиняков – родные братья. И это только

случайность, что один в сумасшедшем доме, а другой не только на свободе, но и вращается в литературных кругах /.../ Ясно, что Мартыановых и Тиняковых нужно лечить... Они больны одной и той же болезнью: приглушением нравственных чувств» [14, с. 2]. Отметим, что подобная точка зрения близка к концепции М. Нордау, сформулированной им в книге «Вырождение». Отсюда резко отрицательные характеристики, даваемые Эр. Печерским А.И. Тинякову: «выходец из другого мира», «живой мертвец», а также завершающая фельетон фраза: «А теперь, читатель, откроем скорее форточку... Душно... Воздуху!» [14, с. 2]. Данная статья являет собой попытку охарактеризовать отвергаемый критиком нравственный и психологический облик декадентов.

Таким образом, рассмотренные нами фельетоны и рецензии на книгу «Navis nigra» объединяет небольшой объем, стремление выразить общее впечатление от разбираемого произведения, выделить его характерные особенности. Отметим, что рецензенты в итоге приходят к следующим выводам. *Первое.* Признание несомненной талантливости Одинокого, его хорошее владение поэтической техникой. *Второе.* Указание на запоздавший выход книги «Navis nigra», во многом утратившей свою актуальность из-за изменившейся литературной ситуации. *Третье.* Осуждение ряда скандальных и нарочито изысканных стихотворений. *Четвертое.* Констатация сильного влияния В.Я. Брюсова на А.И. Тинякова.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бальмонт К.Д.** Молодой талант (Александр Тиняков (Одинокий). Navis nigra. Книга стихов. 1905–1912 гг. К-во «Гриф». Москва, 1912 г.) // Утро России. – 1913. – 24 августа. – № 195. – С. 5.
2. **Богомолов Н.А.** Предисловие // Тиняков А.И. (Одинокий). Стихотворения. – Изд. 2-е с испр. и доп. – Томск – М.: Водолей, 2002. – С. 3–8.
3. **Войтоловский Л.** Парнаасские трофеи // Киевская мысль. – 1913. – 15 января. – № 15. – С. 2.
4. **Д-цев В.** Александр Тиняков (Одинокий). Navis nigra. Стихи 1905-1912 г.г. Книгоиздательство «Гриф». Москва, 1912. Цена 75 коп. // Иллюстрированное обозрение. – 1912. – № 255. – С. 6.
5. **Гиппиус В.** Александр Тиняков (Одинокий). Navis nigra. Книга стихов 1905-1912 г.г. Кн-во «Гриф». М. 12. Ц. 75 к. // Новый журнал для всех. – 1912. – № 12. – С. 132.

6. **Городецкий С.** Александр Тиняков (Одинокий). *Navis nigra*. Книга стихов 1905–1912 гг. К-во «Гриф». М. 1912. Ц. 75 к. // Речь. – 1912. – 5 ноября. – № 304 (2258). – С. 3.
7. **Гумилев Н.** Письма о русской поэзии. Александр Тиняков (Одинокий). *Navis nigro*. Книга стихов. К-во «Гриф». М. 1912 г. Цена 75 к. // Аполлон. – 1912. – № 10. – С. 75–76.
8. **Казеева Е.А.** Книга стихов А. И. Тинякова «*Navis nigra*» в оценке участников первого «Цеха поэтов» // В печати.
9. **Колкер Ю.** Семь писем Ходасевича к А.И. Тинякову за годы 1907–1915 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://yurikolker.narod.ru/articles/Khodasevich_Tinyakov_letters.htm (дата обращения 12.06.2013).
10. **Корецкая И.В.** Константин Бальмонт // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – Кн. 1. – С. 933–958.
11. **Лепехин М.П.** Тиняков А.И. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 3. – С. 494–496.
12. **Мешков Н.** Литературное обозрение. Новые сборники стихов // Путь. – 1913. – № 1. – С. 53–58.
13. *Navis nigra*, Александра Тинякова (Одинокого). Книга стихов. 1905–1912 гг. М. 1912. Стр. 95. Ц. 75 к. // Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М. О. Вольф. – 1912. – № 12. – С. 187.
14. **Печерский Эр.** Палач (Из случайных встреч) // Раннее утро. – 1913. – 9 января. – № 7. – С. 2.
15. **Тиняков А.И.** Об. тетрадь со стихотворениями. Тетрадь V-ая с 25 дек. 1905 г. по 18 янв. 1907 г. // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (ОГЛМТ). – Ф. 19. – 4848 оф. – 61 л.
16. **Тиняков А.И. (Одинокий).** Отрывки из моей биографии // Стихотворения. 2-е изд. с испр. и доп. – Томск – М.: Водолей, 2002. – С. 12–18.
17. **Ходасевич В.Ф.** Александр Тиняков (Одинокий). *Navis nigra*. Стихи. К-во «Гриф», 1912. Ц. 75 к. // Утро России. – 1912. – 24 ноября. – № 271. – С. 6.
18. **Ходасевич Вл.** Неудачники (Отрывок) // А.И. Тиняков (Одинокий) Стихотворения. – 2-е изд. с испр. и доп. Томск – М.: Водолей, 2002. С. 9–11.
19. **Ходасевич В.Ф.** Русская поэзия. Обзор // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Согласие, 1996. – Т. 1. – С. 407–424.
20. **Чуносков М.** Александр Тиняков. (Одинокий). *Navis nigra*. Книга стихов 1905–1912. Книгоизд. Гриф. М. 1912 // Новое слово. – 1912. – № 12. – С. 155–156.

ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ: ИЗУЧЕНИЕ ЗВУКО-БУКВЫ “Фф” И БУКВЫ “Ъ”

Р.М. ЕШИЛБАШЯН
НИО, г. Гюмри

На предаттестационных курсах, проводимых с учителями-руссистами, была предложена “Технологическая карта урока”, по которой учителя могли бы составлять планы-конспекты уроков.

Технологическая карта урока – это способ графического проектирования урока, таблица, позволяющая структурировать урок по выбранным учителем параметрам. Такими параметрами могут быть этапы урока, его цели, содержание учебного материала, методы и приемы организации учебной деятельности обучающихся, деятельность учителя и деятельность обучающихся.

С помощью технологической карты можно провести не только системный, но и аспектный анализ урока (прослеживая карту по вертикали). Например:

- реализацию учителем целей урока;
- использование развивающих методов, способов активизации познавательной деятельности обучающихся;
- осуществление оценивания и контроля.

Опыт показывает, что на первых порах педагогу сложно создать технологическую карту урока (ее можно рассматривать как мини-проект учителя). Наибольшие затруднения вызывает декомпозиция целей урока на задачи этапов, конкретизация содержания этапов своей деятельности и деятельности обучающихся на каждом этапе.

В помощь учителю нами разработан примерный образец урока по учебнику “Букварь – Солнышко” для II класса (авторы: Есаджанян Б.М., Ханзратян В.М.).

Тема урока: Изучение звуко-буквы “Фф” и буквы “ъ”.

Урок ¹. Тип урока: комбинированный урок (повторение и закрепление пройденного материала, введение нового).

Форма проведения: беседа, практическое занятие.

Цели урока:

1) образовательные: научить учеников правильному произношению и правописанию слов с “Фф” и “Ъ”, выработать технику чтения, пополнить и активизировать словарный запас;

2) развивающие: развивать у учащихся фонетический слух, память, мышление и речь; формировать умение обозначать на письме звуко-букву “Фф” и букву “Ъ”;

3) воспитательные: научиться слушать и слышать, научить коллективной работе в группах, воспитать этику поведения.

Оборудование к уроку: учебники, тетради, доска, разрезная азбука, карточки, таблицы, игрушечный светфор.

Этап	Содержание	Время	Деятельность учителя	Деятельность ученика
Вводный	Оргмомент. Закрепление и опрос пройденного материала.	1 мин.	Приветствие	Приветствие, рапорт об отсутствующих.
		2 мин.	<i>Задание:</i> пропишите в воздухе пальчиком буквы “ц” и “щ”. <i>Вопрос:</i> Что общего в написании этих двух букв? <i>Задание:</i> Дадим характеристику этих букв.	Ученики прописывают в воздухе пальчиком буквы. <i>Ответ:</i> Общее: у них есть крючочки. <i>Ответ:</i> Они согласные. Звук “ц” – непарный твердый, а “щ” – непарный мягкий.

Стадия вызова	Формирование групп. Распределение заданий между группами. Индивидуальная и групповая работа.	2 мин.	Распределение заданий по группам (метод деления на группы по цветным кружочкам) с учетом трех уровней.	Ученики читают стишки на буквы “ц” и “щ” (“Букв немало”, “Айболит”, “Воробей в зоопарке”).
		8 мин.	<i>Задание 1-ой группе:</i> кто знает стихи на эти буквы? (можно заранее дать выучить двум-трем детям из группы). <i>Задание 2-ой группе:</i> чтение в лицах стихотворения “Яма”. <i>Задание 3-ей группе:</i> чтение слогов и слов на данные буквы.	2 ученика читают стихотворение по лицам, 2 ученика инсценируют прочитанное, остальные находят и выделяют слова на букву “ц” и записывают их на доске. Ученики 3-ей группы читают учебный материал по цепочке (слова и слоги на стр. 114

¹ Порядковый номер урока выписывается из поурочного планирования. На данный урок по тематическому планированию отведен 1 час.

Завершение стадии вызова			<i>Задание:</i> выведение правила. Ученики оцениваются. <i>Вопрос:</i> Что стоит перед входом в школу? <i>Вопрос:</i> Этот столб называется флагшток. Какой первый звук в этом слове? Как вы думаете, почему этот столб так называется? <i>Вопрос:</i> Какой первый звук в этом слове? <i>Задание:</i> Сегодня звук “ф” будет встречаться во многих словах. А сейчас давайте покажем, как раз веваётся наш флаг на ветру. <i>Задание:</i> А теперь посмотрим, какой же буквой обозначаются звуки [ф] и [ф’]. Эта буква появится у вас прямо в руках. <i>Задание:</i> Ребята, давайте отметим день рождения нашей буквы. Где будем отмечать? Постарайтесь в своих ответах использовать слова, в которых есть звук “ф”. <i>Вопрос:</i> На чём мы поедем в кафе? <i>Задание:</i> А кто поедет с нами? Давайте пригласим детей, в именах которых есть звук “ф”. <i>Задание:</i> Ребята, чтобы пригласить этих детей, надо дать объявление. Что мы там укажем? Что объясним? <i>Задание:</i> Как много слов вы использовали с твердым знаком! Вспомним, что ь и ъ – это буквы, не обозначающие звуков. Они пишутся, но не произносятся. Продолжим наше путешествие в кафе.	учебника), на доску выписывают несколько слов на “ч”, “щ” (<i>тащить, чищу, чаща, и др.</i>). Ученики выводят правило правописания слов с чи, ши, щи, ча, ша, ща, чу, шу, щу. <i>Ответ:</i> Стоит столб. <i>Ответ:</i> Звук “ф”. <i>Ответ:</i> Потому что на нем висит флаг. <i>Ответ:</i> Звук “ф”.
Стадия осмысления	Введение нового материала. Знакомство с новыми буквами.	25 мин.		Ученики под музыку делают плавные движения руками и всем телом. У детей в руках сложенные вдвое листочки бумаги, на которых написаны буква “Р” и ее зеркальное отражение так, что, раскрыв листочки, ученики получат “Ф”. Раскрыв сложенную таким образом букву “Р”, дети с радостью убеждаются, что она превратилась в букву “Ф”. <i>Ответ:</i> В кафе. <i>Ответ:</i> На фольксвагене. На форде. Ученики называют своих товарищей, в именах или фамилиях которых имеется звук “ф”. Ученики продолжают мысль учителя: в объявлении объясним им, где находится кафе, предупредим шофера, чтобы остановился у светофора, а мы будем ждать наших друзей у подъезда.

			Отрабатывается употребление “вежливых” слов (разыгрывается диалог в кафе. Работа выполняется с помощью подсказок со стороны учителя). <i>Задание:</i> А теперь, ребята, нам надо самим догадаться, где мы были и что делали. У наших слов заблудились гласные. Что это за гласные? <i>Задание:</i> Чтение слов и словосочетаний с “Фф” и “ъ” по Букварю (стр. 117-119). По ходу чтения объясняются слова сел-сьел, пойдём-подъём, ферма, форма. Объяснение разницы в значениях глаголов движения (стр. 120). Работа по написанию слов с “Фф” и “ъ” с подробным объяснением.	В кафе к нам подошла официантка тетя Феня в фиолетовом фартуке. Она принесла нам кофе с молоком. “Здравствуйте”, “приятного аппетита”, “спасибо”, “пожалуйста”. Мы зашли в кофе, Чтобы выпить кофе. (Ученики находят гласные, исправляют ошибки) Чтение стихотворений (стр. 117 учебника), звуко-буквенный анализ слов (стр. 118), чтение в лицах стихотворения “У меня зазвонил телефон”. Чтение стихотворений “Мы ехали, ехали” и “Три цвета есть”. Дети встают, показывают при помощи движений значение глаголов <i>ехали, поехали, въехали, съехали, подъехал</i>, останавливаются у “светофора”, читают стихотворение “Три цвета есть” (под контролем учителя корректируются движения, соответствующие тем или иным глаголам движения). Сначала дети пишут буквы на доске, затем буквы записываются в тетрадах-прописях.
Стадия рефлексии	Обобщение и закрепление нового материала.	5 мин.	Знакомство с методом “Диаграмма Венна” <i>Вопрос:</i> На что похожи буквы “Фф” и “ъ”?	“Фф” звук и “ъ” - буква буква буква азбука согласный <i>Ответ:</i> “Фф” – на руки в боки, ключ из сказки, “ъ” – на человечка в кепке (при необходимости учитель может подсказать).

Заключительный этап	Домашнее задание	2 мин.	Задание на дом. Объяснение содержания работы.	Стихотворения (по выбору ученика или учителя) выучить наизусть, прочитать учебный материал (стр. 119-120), докончить написание букв.
---------------------	------------------	--------	---	--

При самоанализе урока учитель нередко просто пересказывает его ход и затрудняется в обосновании выбора содержания, используемых методов и организационных форм обучения. В традиционном плане расписана в основном содержательная сторона урока, что не позволяет провести его системный педагогический анализ. Форма записи урока в виде технологической карты дает возможность максимально детализировать его еще на стадии подготовки, оценить рациональность и потенциальную эффективность выбранных содержания, методов, средств и видов учебной деятельности на каждом этапе урока.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Загашев И.О., Заир-Бек С.И.** Критическое мышление: технология развития. – СПб.: Скифия, 2003. – 284 с.
2. **Козырь Е.Л.** Развитие критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП) при обучении русскому языку // Русский язык. N07 (554), 1-15.04.2009 rus.1september.ru/index.php?num=07&year=2009.
3. **Маркарян Н.** Некоторые виды нестандартных заданий по русскому языку и их значимость в процессе активизации мыслительной деятельности // Русский язык в Армении. – N3. – 2003. – С. 17-21.
4. **Стил Д.Л., Мередит К.М., Темпл Ч.** Развитие критического мышления через чтение и письмо. Ч.1-4. – М.: Изд-во Института "Открытое Общество", 1997.
5. Программа «Школа критического мышления» <http://open.websib.ru/cr4.php>
6. **Верменик О. Г.** Папка "Технологическая карта урока русского языка по ФГОС" www.proshkolu.ru/user/POSH-MORGO/file/3040441/.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О РОЛИ ДИСЦИПЛИН ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА В ФОРМИРОВАНИИ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

С.В. АДАМОВА
АГПУ им. Х. Абовяна

Проблема взаимодействия наук в формировании понятий и представлений другого научного образования многогранна и весьма интересна. Она ведет к поиску аналогов, установлению контрастов.

Исследовательская работа в этом направлении привела Б.С. Гулакян к созданию монографии «Взаимодействие наук в формировании фонетико-фонологических понятий и представлений», вышедшей в издательстве «Флинта: Наука».

Своеобразно, тонко и точно замечает автор, что науки «...подставляют друг другу плечо» [с. 4], способствуя формированию нового, проникая в его сферу.

Фонетика, образовавшаяся, как верно указано в работе, на стыке физики и лингвистики, взаимодействует с научными сферами физиологии, психологии, логики, анатомии. Отсюда – формирование новых направлений и целых наук: психолингвистика, структурная лингвистика, фонология и т.д. Однако взаимодействие наук не ограничивается только формированием новых понятий и представлений. Результатом его могут стать «...значимые теоретические выводы, установление новых взглядов на разные факты звучащей речи и их лингвистического отражения» [с. 5].

Автор правомерно отмечает, что основное понятие фонетики – минимальная единица речи – слог базируется на физиологическом действии – выдохе, т.е. «...это результат разложения физиологического действия на физические составляющие – нагнетание воздуха и разрядку, дающие в сумме физиологический результат – пульсацию мышц» [с. 8].

В работе проведен тщательный анализ слоговых структур, что позволило автору провести некоторые межъязыковые параллели [с. 12-19].

Весьма интересные и убеждающие мысли высказаны в главе «Физико – физиологические факторы представлений о формировании побочной слоговости», где автор проводит обзор лексического материала из разных языков [с. 20-26]. Взаимодействие наук, как верно указано в работе, лежит и в основе классификации звуков речи, т.е. это «...физико-физиолого-анатомические связи, образовавшие фонетический глоссарий, используемый, помимо науки о звуках речи, в науке о звуках языка – нигде более» [с. 27]. И этот вывод совершенно точен, закономерен и справедлив, поскольку «...акустические свойства звуков речи, воспринимаемые нашим слухом в результате колебаний воздушной среды (это физика)», а «...образование этих звуков обусловлено артикуляционными действиями органов, расположенных на широком анатомическом пространстве (это уже физиология, анатомия)» [с. 27]. Анатомический фактор – участие губ в артикуляции

гласных – отражен и в термине «огубленные» (лабиализованные). Беспрепятственный же проход воздушной струи по ротовому или носовому резонатору объединяет гласные общим «физико – (акустико) – физиологическим свойством» [с. 29]. Звуковой строй языка – живой организм, в котором происходят разнообразные процессы, а именно: воздушной струей преодолевается преграда, что определяет отнесенность согласных к группам смычных (взрывных) и щелевых (фрикативных); сочетанием разрядки двух смычных, из которых вторая гортанная, образуются смычно-гортанные; поднятие спинки языка к твердому небу образует палатальные (мягкие) согласные и т.д. Мы разделяем точку зрения автора работы и также считаем, что формирование фонологических понятий и представлений имеет длиннейшую историю и «...ставить точку в этом процессе сейчас, очевидно, нельзя не только потому, что это область высокой науки, осложненная многолетними и самыми разнообразными подходами к ней, но и потому, что она, эта область, испытывает мощнейшее влияние эволюции других наук...» [с. 39]. Путь от фонетики к фонологии, от звука к фонеме – «...скачок из осязаемой естественной материальной природы к природе идеальной, нематериальной, абстрактной..., ...одна наука тащит в другую шлейф представлений и понятий, зачастую осложненный и терминологическими общностями» [с. 39].

Развитие фонологических идей в рамках Московской фонологической школы представлено в фонологической теории С.К. Шаумяна, давшего, как отмечает автор, «...не только непротиворечивое описание фонологической системы языка в полном согласии со взглядами ее основоположников, но и связавшего его с положениями современной, в частности – физической науки и в полном согласии с логикой науки – эпистемологией» [с. 42]. Кстати, считаем необходимым с удовлетворением отметить здесь, что монография Б.С. Гулакян с благодарностью посвящена светлой памяти Учителя – профессора Йельского университета С. К. Шаумяна. Совершенно верно указывает автор, что как бы ни были различны внешне фонологические положения таких ученых, как И.А. Бодуэн де Куртене, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, С.К. Шаумян, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон – все они со своими учениками «...имели одну – фонологическую – группу крови, соответствующую самым высоким лингвистическим и логическим единицам» [с. 44]. Большой интерес представляет глава «Силлабические структуры материальной и идеальной природы: формирование понятий и представлений» [с. 55-66], в которой автор проводит анализ слоговых структур с обзором трудов Р. Якобсона, С. Шаумяна, Р. Аванесова, Л. Бондарко, А. Реформатского, Г. Торсуева. На основании проведенного анализа Б.С. Гулакян приходит к правомерному выводу, что в фонетико-фонологической области исследования слоговых структур «...взаимодействуют, наряду с физикой и физиологией, логика, психология, психоневрология, педиатрия, комбинаторика, анатомия семиотики» [с. 64]. Доля участия каждой из этих наук в исследовании слоговых структур разная.

Особо хочется выделить главу «Конструктивная и деструктивная роль взаимодействия наук в формировании понятий и представлений явления нейтрализации фонологических оппозиций» [с. 67-81]. Здесь автор обращается к трудам Н.Е. Трубецкого, который расценивает различие между нейтрализуемыми и постоянными фонологическими противоположениями как «...исключительно важное для функционирования фонологических сис-

тем...», как явление, являющееся «...одними из краеугольных камней в теории этих систем...» [с. 67]. Далее автор ссылается на труды А. Реформатского, Л. Блумфилда, М. Граммона, (носителя французского языка), Л. Бондарко и других лингвистов, которые свидетельствуют о слабости конца в целом, в частности, оглушении конечных звонких. Обзор исследований о конечной тенденции к оглушению, засвидетельствованные исследователями разных языковых групп (А. Мейе, Г. Курциус, Р. Готье, М. Граммон, Е. Поливанов и др.), дал автору монографии основание «...в этих и подобных случаях опираться на вероятностные обоснования проявления этого в языках и выведение на их основе дедуктивных законов, обоснованных физиологически и психологически, иначе говоря – антропофонически» [с. 72]. Частотность проявления в языках нейтрализации конечных согласных по дифференциальному признаку звонкость / глухость дает автору правомочное основание для вероятностного обоснования его и дальше, а именно, для «...обобщения его проявлений как универсальных явлений языка» [с. 73]. Как отмечает Б.С. Гулакян, «...набор возможных решений слабости конца может быть многочленным. Если представить многочленную оппозицию «звонкий – глухой – аспирированный – абруптив (гортанный смычка)», то выбор из этого ряда потребует более широкого, чем при двоичном выборе, контекста» [с. 75]. Основным членом этого «древа нейтрализующихся оппозиций» [с. 76] является заднеязычный **к**, который отличается «...лишь одним дифференциальным признаком от звонкого **г**, аспирированного **kh**, абруптивного **к** (гортанного), палатального **к'**» [с. 76]. Естественно, что в отдельных фонологических системах реализуется лишь часть таких оппозиций. Нейтрализующимся по одному из различительных признаков членам оппозиции соответствует, как указывает автор работы, «...архифонема – фонологическая единица, включающая совокупность различительных признаков, общих для обоих членов оппозиции...», т.е. «...членам нейтрализующейся оппозиции соответствует вдвое меньшая по численности система архифонем» [с. 76].

Исследование Б.С. Гулакян обладает рядом несомненных достоинств, одним из которых является представленная в работе архифонемная система русского консонантизма, состоящая из десяти элементов: **п, ф, к, т, с, ш, л, м, н, р** [с. 78], из которых орхифонемы **п, ф, к, т, с** содержат оппозиции «звонкость-глухость» и «непалатальность-палатальность». Архифонема **ш** содержит лишь одну оппозицию «звонкость-глухость», а архифонемы сонорных **л, м, н, р** соответствуют только оппозиции «палатальный-непалатальный» [с. 78]. Цель монографии – представить проблематику взаимного влияния наук как в онтогенезе, так и в дальнейших эволюционных процессах. И следует отметить, что данную цель автору удалось успешно воплотить в тексте работы.

Исходя из всего вышесказанного, а также из нашего многолетнего опыта преподавания фонетики современного русского литературного языка, мы можем с уверенностью сказать, что рецензируемая монография Б.С. Гулакян написана на высоком научном уровне, емко, доступно. Книга будет полезна специалистам – лингвистам, языковедам, фонетистам.

Монография Б.С. Гулакян – очень интересное и актуальное издание.

Мы желаем глубокоуважаемой Бэле Сираковне крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.